

АЛЕКСАНДР РОМАНОВСКИЙ

УБИТЬ ИМПЕРАТОРА

Александр Георгиевич Романовский

Убить императора

Текст предоставлен правообладателем

Убить императора: 2004

ISBN 5-17-018735-1, 966-696-164-4

Аннотация

«...Потом было поздно. Мы решили убить Императора и даже взяли задаток.

Вам интересно, кто мог дать заказ на голову опоры Империи? Мне тоже. Сейчас-то я знаю, – гораздо важнее понять, каким образом мы вообще решились на это безумие. Но чем больше я думаю, тем меньше остается шансов найти отгадку...»

Александр Романовский

Убить императора

Сам не знаю, как это получилось. Ну, вы знаете, – убить Императора. Меня до сих пор в дрожь бросает. Никогда еще о этом никому не рассказывал. То, что вашей коdle удалось развязать мне язык, обойдется слишком дорого потраченным молью нервишкам. И, соответственно, вам. Подвинь-ка пиво.

Так вот... Мы решили убить Императора. Он правит сотней миров и миллиардами душ, самодержец, опора Империи, защитник веры и все такое прочее. Нас было восемнадцать, зато глупости хватало на всю ойкумену. Я-то был молод, мой же престарелый напарник к тому времени успел тихо выжить из ума. Сомневаюсь, впрочем, чтобы у него когда-либо имелось достаточно серого вещества, чтобы считаться нормальным. С другой стороны, эту его ущербность с лихвой заменяло везение: Старик был чертовски везуч. И столь же безумен.

Не знаю, как мне удалось проглядеть это сразу.

Потом было поздно. Мы решили убить Императора и даже взяли задаток.

Вам интересно, кто мог дать заказ на голову опоры Империи? Мне тоже. Сейчас-то я знаю, – гораздо важнее понять, каким образом мы вообще решились на это безумие. Но чем

больше я думаю, тем меньше остается шансов найти отгадку.

Иногда мне казалось, будто Старик любил Императора, преклонялся перед ним, будто один из мирных, добропорядочных подданных. Понятия не имею, каким образом это сочеталось с желанием отправить на тот свет опору Империи. Содержимое его головы напоминало пыльный чердак, заваленный уймой бесполезных вещей, сваленных в одну невообразимую кучу безумных противоречий. Тем не менее, в иные моменты суждения его блистали кристальной ясностью, словно хрустальные бусины, нанизанные на четки непогрешимой логики. Тридцать три штуки. Такие моменты быстро кончались, к моему глубочайшему сожалению. Приходилось запоминать, до боли напрягая извилины, потому как в нашем жилище не было ни компьютера, ни, тем более, драгоценной бумаги. Когда-нибудь я опубликую эти записки, однако сейчас разговор не о том. Вы, балбесы, слишком далеки от желания обогатить свой интеллект. Один из вас, к тому же, слишком молод. Таким и я был когда-то.

Так вот, когда я спросил, кто может дать заказ на голову Императора, Старик лишь невесело усмехнулся. Оказывается, – как я узнал чуть позже, – за это право боролись едва ли не все Семьи Империи. В смысле – гангстерские синдикаты, достаточно платежеспособные, чтобы заплатить астрономическую сумму, о которой шла речь.

У нас даже хватило наглости устроить аукцион! Какая, по сути, разница, кто оплатит заказ? Старик связался с гангсте-

рами по своим старым каналам, заросшим ржавчиной и паутиной. На той стороне, должно быть, здорово удивились, после стольких-то лет услышав его скрипучий голос.

Я не боялся, что синдикаты откроют сезон охоты на наглых волков. Для этого они были слишком трусливы. Народ вскричит, взвояет от горя: «Император мертв...» И тут же подхватит в восторге: «Да здравствует Император!». Наследник подрастал, готовясь в положенный срок принять бразды правления. Гангстерские синдикаты не устраивал тогдашний правитель, но они питали надежду на благоразумие следующего. Законопроект о запрете клонирования государственных служащих был одобрен Сенатом и успел вступить в силу. Император же являлся служащим № 1. Большинство уже позабыли о том, но Император и государство существуют лишь для того, чтобы благоденствовали подданные, а не наоборот. Прогресс, динамика – вот что спасает Империю и защищает от посягательств бунтовщиков-Иных. Боже, храни Императора.

Нечего хмыкать! Нельзя уже старику порассуждать о вечном!? В те времена, о которых пойдет рассказ, в жилах моих бушевал огонь идеалов. Когда я говорю, что Старик был безумцем, это еще не значит, что со мною психологи отдыхали. Только безумец мог решиться на *такое*, а потом еще посмечь прикрыться громкими принципами, абстрактной истиной и недостижимыми идеалами. Человечество всю свою историю страдало во имя сонма нелепых идей. Но все это

нужно понять. До меня же самые простые вещи доходили опосля, словно по длинной шее жирафа. Был такой зверь когда-то...

Ладно, я и впрямь отклонился от темы. Трудновато, знаете ли, раз за разом сосредотачиваться на одном и том же. С чего же начать... Наверное, с самого начала. То, что я был молод и переполнен идеалами, думаю, всем понятно. Более того, моей глупости хватило на то, чтобы стать наемным убийцей.

Мне было восемнадцать, и я вырос на Гере – сельскохозяйственной захолустной планете, где не привечали чужаков и праздных мечтателей. Я, к сожалению принадлежал к числу последних. Перспектива провести остаток жизни на поле, ломая спину под мешками нашей знаменитой свеклы меня отнюдь не прельщала. Однако приходилось терпеть, пока не наступил счастливый день, ознаменовавший приход больших перемен: совет старейшин уже ничего не мог поделать с моим желанием убраться с Геры к чертям подальше. Помню, я караулил под домом главы до полуночи, а потом переполошил весь поселок воплями и стуком в прочную деревянную дверь. Пошла первая минута моего совершеннолетия.

Меня отправили в полицейский участок, где я отпраздновал свое восемнадцатилетие с престарелым констеблем (я мог бы без труда уйти от этой неспешной погони, но не хотелось огорчать старика). Наутро я предстал перед сове-

том старейшин. Я проявил все свое красноречие, чтобы меня единогласно сочли непригодным для жизни крестьянина и даже социально опасным субъектом. Я тут же получил паспорт и разрешение покинуть планету в любом направлении. Стук опустившейся печати показался мне звоном райских колокольчиков.

Не знаю, как бы повернулась моя судьба, не будь у меня двух старших братьев. Здоровые, как быки, такие же тупые и работающие – они могли позаботиться о матери. В этом отношении я оставался спокоен, хотя и обещал высылать часть заработка. Мать прощалась с сыном молча, сложив руки на переднике. В глазах – ни намека на слезы. Она не знала, чем я собирался заняться.

Как сейчас помню, в порту сели три корабля. Один торговец, один яхтсмен-богач с маленьким баком, залетевший подзаправиться. Третий привез сезонных рабочих. Возвращаться на Адонис он должен был совершенно пустым, если не считать экипажа. Пораскинув мозгами, я решил сделать ставку. К яхте меня и близко не подпустят, на торговца – с чуть меньшей вероятностью.

Капитан выслушал жалостливую речь с завидным терпением. Лично я послал бы того оборванца куда подальше, стоило тому бы только приблизиться к доверенной моему попечению собственности, сопроводив слова неким убедительным аргументом. Надо полагать, капитан оказался куда более отзывчивым и добрым человеком, чем удалось стать мне.

В карманах (или где-либо еще) у меня не было ни гроша. Капитан повертел в руках новенький чип-паспорт. Я заявил, что готов отработать проезд тяжелым физическим трудом. Капитан предупредил, что так оно и будет. Сезонные рабочие оказались изрядными свиньями, потому как успели загадить корабль даже за такой короткий перелет. Всю дорогу я пахал, как проклятый. Но я не видел грязи и не чувствовал запаха. Перед глазами у меня стояли хрустальные шпильки города-планеты – великого Зевса.

Сейчас мне кажется, будто я знал это с самого рождения. С той самой секунды, когда из легких моих вылилась противная жидкость, и я исторг свой первый вопль негодования. А может, и раньше.

Я всегда знал, что отправлюсь на Зевс. Что столица, дом самого Императора, станет пристанищем для меня, Гэса Скиммера. Именно там я мог научиться тому, что так хотел делать. Именно там обретались величайшие убийцы и охотники за головами, отошедшие от дел или же ожидающие заказов. Те, что носились от одной планеты к другой, не заслуживали внимания такого высокомерного гордеца, каковым меня сделал невзрачный паспорт. (Странно, но это без труда сочеталось с чисткой корабельных галюнов.) К тому же вероятность того, что мой путь пересечется с одним из этих непосед, была слишком мала.

Как видите, я все рассчитал. Чего-чего, а возможностей для этого Гера давала предостаточно. Я частенько лежал на

крыше родительского дома и глядел на звезды. Мне было известно приблизительное местонахождение Зевса, и долгими бессонными ночами я грезил столицей Империи. В доме у нас стоял старенький потрепанный голопроектор, которым пользовался лишь я один, когда никто не видел. Для меня это была самая драгоценная вещь – окно в реальный мир. Планета-город манила меня огнями и блеском металла. Там мое место, – говорил я себе, ломая спину под очередным мешком свеклы.

Наверное, знание этого предшествовало появлению ино-го. Возможно, я ошибаюсь.

В детстве меня никогда не спрашивали, чем я хочу заниматься; альтернативы на Гере практически не было. Все случилось как-то сразу. Внутренний процесс, годами тянувшийся втайне от меня, получил логичное завершение.

Неким абстрактным утром я очнулся от сна и понял, что обрел мечту. Я хотел стать наемным убийцей, мрачным одиночкой, повсюду таскающим с собой целый арсенал смертоносных орудий. Глупость, конечно, но с годами эта мечта ничуть не слабела. Напротив, – набиралась сил, наливалась соком и яркими красками.

Думаю, объяснять все это слишком долго и утомительно, поскольку над содержимым этой самой башки до сих пор ломают головы куда более искусные специалисты. Однако я попытаюсь, чтобы у вас, не дай Бог, не сложилось о старине Гэсе неверного впечатления.

Я отнюдь не был маньяком. Дома мы держали пару коров, пяток свиней и несчетное число всяческой птицы. Соседские пацаны здорово получали от меня по шее за то, что пытались проявлять свои нездоровые садистские наклонности. Но бить людей мне также не доставляло удовольствия. Просто... я их не любил. Думал, что лишить кого-либо жизни – не столь уж великий грех, как о том вещал приходской священник. Все мы смертны – раньше ли, позже. Какая разница?

Думал, что убивать – отнюдь не трудно. Просто работа, ничего иного. Конечно, я ошибался, но осознать это мне предстояло много позже. Как водится, тогда, когда было уже поздно. Я корчился в агонии, а душа кипела в протесте, обжигая рот и ноздри... Впрочем, все по порядку.

С самого детства я возненавидел физический труд. Но перед глазами маячил Зевс. Чтобы выжить там, нужно здорово крутиться. Уметь делать что-то такое, что у тебя получается лучше, чем у других. Делать то, за что платят хорошие бабки.

Но я ничего не умел. Получить достойное образование малограмотному крестьянину было невозможно – я провалил бы первый же экзамен в любом из благотворительных университетов. Судьба отнюдь не стряхивала меня на темную дорожку, я свернул на нее добровольно. Крестьянин не хотел работать и не имел достойного количества знаний. Не первый и не последний. Преступный мир предоставлял достаточно возможностей заработать на жизнь лохам вроде меня.

Однако я считал, что поступаю умнее. Я не собирался хвататься за первую подвернувшуюся возможность. У меня был свой план.

Я знал, что хочу убивать за деньги. Киллеры – аристократы преступного мира. Их не знают в лицо, но дрожат от страха, стоит лишь слышать грозное прозвище. Они служат самой Смерти, невидимые и неуязвимые, подобные своей госпоже. От них не жди пощады, не пытайся бежать. Если киллер принял заказ, он найдет тебя на краю Империи. И даже дальше, если потребуется.

О таком благородстве и профессионализме я и мечтал. Но это не детский романтизм. У нас в доме не было художественных произведений, – книг или дисков, – а платные каналы остросюжетного кино наш голопроектор, само собой, не принимал. Я смотрел новости, особенно тщательно – уголовную хронику, в которой то и дело сообщалось о том, что некий киллер выполнил заказ, не оставив ищейкам ни единой зацепки. Я смотрел и слушал с открытым ртом.

Короче, мне надоело копаться в этом старом дерьме. Черт возьми, я хотел стать кем-нибудь, хотел учиться! Точка.

Корабль летел на Адонис. Невероятно. Расстояние до моей мечты сократилось почти вдвое. Время летело незаметно, пока я драил бессчетные палубы. Дерьмо и закопченные швы. Хрустальные стены, блеск металла. Мое трудолюбие не прошло незамеченным. По прибытии на Адонис капитан заявил, что я с лихвой отработал свой проезд. Поскольку ко-

раблю в любом случае требовался работник, он возвращает мне часть заработка. Рука извлекла из кителя несколько купюр. Остальные он, вне всякого сомнения, припрятал в другом кармане, но я был благодарен даже за это. Отнюдь не первые деньги, заработанные тяжким трудом, поэтому особого восторга я не испытывал.

Капитан оказал мне другую, куда более уместную услугу. Космопорт на Адонисе был просто огромен, но у меня не было времени глядеть по сторонам. Катер капитана лавировал между металлических громадин; скорость пыталась ужасать, но я не испытывал страха. Сейчас-то я понимаю, что в то время был по-настоящему бесстрашен. Мне нечего было терять; я не очень-то верил в осуществимость своей мечты. Взгляд упрямо шарил вдали.

Искомый корабль оказался таким же неуклюжим грузовозом, но я не придавал этому значения. Главное, что меня доставят на Зевс. Рано или поздно. Когда-нибудь я окажусь среди хрустальных башен.

Капитан грузовоза был прекрасно знаком с другим, тем, что доставил меня на Адонис. Я не помню фамилий, да и лица расплываются, как в мутном зеркале, перетекая одно в другое. Меня посадили на корабль. Перспектива гнуть спину над вонючими галюнами еще один перелет отнюдь не пугала. Я будто вознесся над посадочным полем. Сами знаете, что это за чувство. Так ведь?

Мое первое посещение Адониса продлилось меньше часа.

Гравитационный колодец отпускал неохотно, словно ревнивая женщина. Грузовоз скрипел и дергался, взлетал и падал. По-моему, я потерял сознание, но, скорее всего, это было логичным следствием застарелого стресса.

Корабль выдержал шторм. Метровая броня обволакивала меня, – горячее сердце, стучавшее где-то внутри. В венах моих текло ракетное топливо, а бортовой компьютер мечтал о хрустальных башнях.

Проснулся я свежим и отдохнувшим, как редко удавалось на Гере. Странно, но мне позволили выспаться. Отстегнув ремни, удерживающие тело в антиперегрузочном кресле, я отправился отрабатывать проезд. Боцман деловито обозначил сектор работы. Нужно заметить, что после сезонных рабочих я просто отдыхал. Образовалось много свободного времени. После того, как боцман тщательно проверял дневную норму, мне позволялось бродить по кораблю везде, где только заблагорассудится.

На кают-компанию я набрел чисто случайно. Первые дни я по несколько часов кряду пялился на роскошные голограммы платных каналов, которые принимал корабельный головизор. Матросам это диво успело приесться, поэтому мне никто не мешал. Они пили и ели, тихо посмеиваясь над темным крестьянином. Я был предоставлен самому себе.

Конечно, приоритеты моих интересов не могли остаться незамеченными. Я игнорировал эротику и порнографию, сосредотачивая внимание на каналах новостей, образова-

ния и остросюжетного кино. Особенно мне полюбился канал уголовной хроники. Вначале матросы относились к этому с юмором, затем – с невольным подозрением. Ну какой восемнадцатилетний пацан пропустил бы порнушный канал по собственному желанию?..

На все вопросы я отвечал невнятным пожатием плеч. Зачем на Зевс? Так, посмотреть. Всегда мечтал. Хороший канал? Да, конечно. Не знаю, просто интересно.

Может, я и был простачком. Отнюдь не таким, каким хотели видеть меня пьяные матросы. Сам я спиртного не пил, подсыпать же мне чего-нибудь в содовую не представлялось возможным. Конечно, кто-то о чем-то догадывался, поскольку так бывает всегда. Это ничего не меняло: я молчал, предпочитая слушать.

Молчание – золото. Я всегда был хорошим слушателем. Когда у матросов развязывались языки, начиналось время невероятных рассказов. Звездолетчики травили байки каждый вечер, но, поскольку особой фантазией не отличались, знали выдумки друг друга наперечет. Само собой, я оставался единственным слушателем. В нужных местах открывал рот, торопил и поддакивал. Большая часть того словесного хлама мне была ни к чему, однако порой в цветастой мишуре скрывались зерна истины. Особенно внимательно я вслушивался в то, что касалось Зевса. Матросы всю расхваливали столицу, но, как я понял, ни одному еще не удавалось забраться дальше пары припортовых кварталов. Названия ка-

баков, казино, дорогих борделей, цены и имена проституток... Все это я пропускал мимо ушей. Наводящие вопросы старался, по мере возможности, задавать аккуратно, дабы не укреплять подозрений. Увы, о преступном мире Зевса матросы были осведомлены даже хуже меня.

Но я не унывал. Цель была близка, как никогда. Дни летели быстро, покуда я драил палубы и просиживал штаны в кают-компани. Всему приходит конец – хорошему, плохому, блеклому или бесцветному. Настал и последний, заветный день первого в моей жизни космического путешествия. На обзорных экранах появилась столица нашей Империи – великий Зевс. О, что это было за зрелище!.. Огромный ярко-синий диск, тут и там покрытый радужными разводами, окруженный золотым сиянием тысяч искусственных спутников и орбитальных станций. Но это слишком сухо, слишком описательно. Я помню свой восторг, заставлявший думать в одной лишь превосходной степени.

Пока решались проблемы с таможей, очередностью и приоритетом посадки, я разглядывал мечту. Даже на таком расстоянии планета выглядела огромной. Можно было разглядеть очертания континентов, соединенные тонкими нитями антигравитационных шоссе. Город (да-да, с большой буквы) покрывал их все, будто какой-то черный налет или плесень. В радужных атмосферных разводах, по которым то и дело пробегала золотистая рябь, играли отблески стекла и хромированного металла. При желании, так можно продол-

жать до бесконечности. Думаю, если уж мы оказались здесь, за этим тесным столом, каждый из вас ощутил хотя бы часть того восторга, что испытал восемнадцатилетний крестьянин, мечтающий стать профессиональным убийцей.

Наконец все формальности были соблюдены; мы пошли на посадку. Честно говоря, я боялся. Впервые за долгие годы. На Гере все было иначе. Думал: Боже, только бы там, только бы подальше, и будь что будет... Но, когда цель оказалась настолько близка, что ее можно было коснуться рукой, я испугался. Разочарования, чего же еще. Испугался того, что все зря, что мне не найдется здесь места, что я просто глупый мальчишка без царя в голове, что оставил дом, братьев и мать из-за глупых мечтаний... Испугался всего этого и сотни других тараканов. Терпеть не могу насекомых. Думаю, никогда в жизни не пугался сильнее.

Все ушло, как всегда. Я по быстрому распрощался с матросами и капитаном (на сей раз никаких денег мне не дали), и первым выскочил по трапу на посадочное поле. Мы приземлились в секторе, отведенном грузовикам – громоздким, медлительным и неуклюжим. Вдали, на расстоянии в несколько километров, к пронзительно-голубому небу тянулись серебристые иглы пассажирских звездолетов. Я замер с открытым ртом (в последнее время это стало входить у меня в привычку). Несколько яхт, чьи стремительные силуэты порождали почти сексуальное влечение; собственность каких-нибудь местных миллионеров. Воображение услужливо

нарисовало другие привилегии богатства: роскошные виллы, бассейны размером со среднее озеро, спортивные аэрокары; ночные клубы, неон, пульсирующая музыка, пленительные голограммы; красавица-жена, наложницы, коим не счесть числа... Захватывает дух, правда? Вот и я поклялся, что когда-нибудь все это станет моим.

Заработаю. Нашелся б учитель.

Молодой был, глупый. Нашел к чему стремиться.

Несмотря на это, цели перед собой я ставил крайне осторожно. Первая достигнута – я попал на Зевс. Шаг за шагом по лестнице, на которой счету подлежит каждая ступень. Каждое движение влечет за собой другое. Динамика, прогресс. Я прекрасно отдавал себе отчет в происходящем.

Следующий шаг – поиск учителя, обучение. Перекинув на плечо ремень тощего армейского вещмешка, я направился по полосатой дорожке для пассажиров. Мимо, одна за другой, сновали груженные всяческим хламом транспортные тележки. Я шел дальше. На одинокого пешехода удивленно глазели грузчики в ярко-оранжевых робах.

Итак, следующая ступень по лестнице, уходящей в небо. Я даже примерно представлял себе, где и как начать поиски профессионала, согласившегося бы взять на обучение парня вроде меня. Злачные места, непопулярные заведения в опасных районах – такие были, есть и будут во всех городах; Зевс отнюдь не является исключением. По моим предположениям, именно в таких местах тусуются киллеры, ждущие зака-

ЗОВ.

Однако теперь, когда моя мечта начала потихоньку сбываться, я начал опасаться за сохранность своей шкуры. Я уже не был тем бесстрашным и бесшабашным пацаном, что мечтал о Зевсе на крыше родного дома. Я начал испытывать страх, неуверенность. Вернулось напряжение и... чувство голода. Впопыхах, торопясь покинуть корабль, я позабыл заглянуть на камбуз.

Впрочем, все это отступало, стоило только замкнуться нейронной цепи, огненными звеньями полыхавшей в мозгу. Подумать только, я ступаю по Зевсу!.. В это было трудно поверить. Какая-то испуганная часть сознания дрожала в страхе, что сейчас я проснусь, как бывало уже десятки раз, на жесткой кровати, под рассветными лучами ярко-оранжевого светила Геры... Но нет. Спящий должен проснуться. И все же пробуждение не наставало. Я бодрствовал, хотя и боялся в это поверить.

Надо же, забыл прильнуть к земле в поцелуе... Теперь, когда я мерил ее шагами, это казалось лишним.

Космопорт был огромен. Абсолютно плоская, пропеченная солнцем керамическая сковорода. Вокруг беспрестанно менял очертания причудливый город, состоящий из одних лишь металлических башен. Звездолеты взлетали, и тогда резинокерамика дрожала под ногами. Лицо обдувал горячий ветерок. Я невольно останавливался, переводя дух, наблюдая за тем, как очередная серебристая башня вонзается в

небо, балансируя на белом столбе немислимого пламени.

Грузчики откровенно посмеивались над провинциалом. Солнце стучало по голове раскаленным молотком, пот стекал по мне градом.

Наконец удалось добраться до края сковороды. Один из таможенных КПП любезно распахнул стеклянные створки дверей. Струи кондиционированного воздуха оглушили, словно холодный душ. Помещение было разделено на две части: здесь и там, за перегородкой, у которой дежурили четыре сонных таможенника. Если не считать служащих, КПП был абсолютно пуст. Неудивительно, поскольку туристов в столицу прибывало совсем немного: за те же деньги можно облететь десяток-другой куда более живописных планет. Почти все грузовики, не задерживаясь, летели дальше. Большинство же торговцев могли решать свои дела, не выходя за пределы порта. Свои услуги им предлагали бары, рестораны, беспошлинные магазины и оптовые склады, разнообразные биржи, нотариальные конторы – практически все, что только может понадобиться межпланетному коммерсанту.

Таможенники встряхнулись, заметив мой тощий силуэт. Солнце слепило глаза; они не могли разглядеть лицо, как ни старались. Я же только вошел во вкус. Прохладные воздушные течения омывали меня, – раскалившийся на солнце камень, брошенный незадачливым путником в глубокий тихий пруд. Настоящее блаженство. Как бы не треснуть...

Придя в себя, я направил стопы к перегородке. Мой путь

направляли хитросплетения желтых полос, которыми был расчерчен пол КПП. Таможенники с интересом наблюдали за моим продвижением. Широкие пояса оттягивали игольные пистолеты и электрошоковые дубинки. Руки таможенников совершенно расслаблены, даже не пытаюсь коснуться оружия. Это даже немного оскорбило меня, Гэса Скиммера, мальчишку с изрядным самомнением. Глаза и позы выдавали легкую заинтересованность, которая могла бы быть направлена, к примеру, на стоящий в углу голографический проектор. Видимо, я представлял собой довольно интересное зрелище. Не к такому типу туристов привыкли служивые, что и говорить.

Один зашел за перегородку и включил приемную консоль. Желтые линии подвели меня прямым к терминалу. Таможенник – довольно молодой, с жидкими черными усами, – кисло улыбнулся.

– Ваш паспорт, поданный.

Я вытащил чип и осторожно положил в протянутую ладонь. Мое главное и единственное богатство. Все это я помню на удивление хорошо; сцена в таможене навсегда отпечаталась в моем сознании. За барьером и улыбающимся таможенником простирался Зевс. Нас разделяли простые формальности.

Таможенник сунул чип-паспорт в консоль. На небольшом экране появилось трехмерное изображение моей головы. Чуть ниже – ровные зеленые строчки. Внимательно изу-

чив каждую букву, таможенник поднял голову, пристально поглядев мне в глаза.

– С какой целью явились в столицу, мистер Скиммер?

– С целью начать обучение, – ответил я. – Хочу поступить в один из местных университетов.

– Вот как? – таможенник ловко поднял бровь. – И какой же специальностью вы намереваетесь овладеть?

Я спиной чувствовал презрительные взгляды; таможенники ухмылялись.

– Что-нибудь, связанное с законом и правоохранительными органами. Пока еще не решил.

– Там большой конкурс, парень. Требования слишком завышены. – Таможенник доверительно наклонился. У него было несвежее дыхание, как сейчас помню. – Сам пробовал.

Я пожал плечами, бросив выразительный взгляд на консоль. Чип-паспорт выскочил на поверхность, повинувшись нервному нажатию клавиши. Я подставил ладонь, чтобы тут же спрятать нехитрое богатство в карман.

– У вас есть, где остановиться, мистер Скиммер? – спросил таможенник, вернув голосу сухой официальный тон. – Знакомые, родственники?..

Я покачал головой.

– Подыщу что-нибудь подешевле.

– Учтите, что *у нас* бродяжничество является нарушением закона. Вас примерно накажут, а потом доставят на родную планету, которую вы не сможете покинуть в течении

нескольких лет.

Таможенники прыснули. Я чувствовал, что покраснел. Меня охватила горячая ярость, тут же сменившаяся холодом страха. Что, если все так и будет?.. Меня ожидало неминуемое поражение, с которым я не сумею смириться. Я себя знал. Упрямый, как соседский баран. Нет, домой я вернуться не мог. Стать посмешищем для целой планеты?.. Такой позор – хуже смерти.

– Пусть так, – ответил я. – Мне можно идти?

– Да, пожалуйста. – Таможенник отступил в сторону. Барьер поднялся, освобождая проход. – Вы свободны. Удачи.

Я кивнул и пристроил ремень поудобней. Зашагал вперед, глядя вперед и только вперед. Молчание служивых показалось мне музыкой. А за барьером – ни одной желтой линии.

Створки услужливо распахнулись. Солнце ударило в глаза, легкие обжег горячий воздух. Нужно отметить, огонь и жара преследует вашего покорного слугу всю его дальнейшую жизнь. Однажды мне чудом удалось избежать участи быть поджаренным заживо на Пигмалионе, где, как вы помните, лето длится всего пару дней в году. Стоило только обратиться с пустынной Геры на расстояние в половину Империи, как угодил в другую, столь же роскошную топку. По головизору здесь казалось гораздо прохладней. Не может же быть, чтобы Император терпел над своим дворцом такое пекло!.. Впрочем, – подумал я, – кто его знает...

Позже, конечно, я понял, что ничего не понял. Многие не

понимают даже этого, но не о том разговор. Позже я узнал, в чем дело. Просто метеорологический щит, заменяющий озоновый слой и позволяющий контролировать погоду практически на всей территории планеты, не предназначен для того, чтобы сквозь него туда-сюда летали космические корабли. Поэтому над космопортами Зевса все было абсолютно естественно, – чудовищно душно и жарко. Лучи-убийцы проникали через «форточки», прорезанные в метеорологическом щите, на протяжении всего светового дня. Ночью, должно быть, здесь было дьявольски холодно, но к ее наступлению я намеревался убраться подальше.

– Куда едем, сынок? – без особой надежды поинтересовался один из группки таксистов, облюбовавших перила. Желтые аэрокары, вытянувшиеся цепочкой, парили неподалеку. Знал я этих козлов... Хоть на Гере у нас не было ни одного.

– В город, – брякнул я, проходя мимо.

Таксисты вернулись к обсуждению цен на электричество, бесстыдно завышаемых заправочными станциями. Я шел вдоль высокой бетонной стены, ограждавший космопорт со всем его огнем, шумом, запахами и солнечным светом от нормального мира. Становилось прохладней. Небеса – ярко-голубые обои – поблекли и выцвели, как будто я надел солнцезащитные очки. Светило, носившее то же имя, что и любое другое, являющееся неотъемлемой частью Империи, превратилось в аккуратный желтый шарик, уже не слепивший глаза.

Крепко сжимая ремень вещмешка, я глазел по сторонам, то и дело нервно дотрагиваясь до кармана, проверяя наличие паспорта. Думаю, бессмысленно описывать красоты Зевса. Тот, кто никогда здесь не был, считай, что и не жил-то вовсе. Царство металла, стекла и бетона, причудливые очертания, изгибы линий, манящие взгляд куда-то в запределье... Над столицей нашей космической отчизны трудились лучшие, талантливейшие из архитекторов. Императору были без надобности взятки строительных концернов, поэтому он мог позволить себе быть по-настоящему объективным. (Заметьте, сравнительно небольшой плюс из долгого списка преимуществ абсолютной монархии.)

В общем, провинциал обалдел. Глупый, невежественный крестьянин бродил по улицам, пьяный от эндорфинов, с выделением которых мозг уже был не в состоянии справляться. Разинув рот, едва успевая подтирать стекающую оттуда слюну. Роскошные фасады, витрины, ломящиеся от товаров, которые только можно придумать, бары и рестораны...

Зевс праздновал все четыреста тридцать дней в году, степенно вращаясь вокруг блеклого Солнца. Планета ничего не добывала, не производила и не перерабатывала – упаси Бог. Здесь занимались одним лишь импортом, доставляя необходимое для жизнедеятельности столицы со всей необъятной Империи. Среди всех классов, в той или иной степени представленных столичным обществом, господствовал, конечно же, высший. (Над ним стоял лишь Самый высший – тонкая

прослойка приближенных к Императору.) Когда я узнал о среднегодовом доходе, приходящемся здесь на душу населения, у меня глаза на лоб полезли.

Здесь даже имелся свой пролетариат, – отнюдь не рабочий, – занимающийся, в основном, обслуживанием более состоятельных клиентов. Зато средний класс был представлен в меньшинстве. Имелась, конечно, также обособленная кучка отбросов вроде меня. Прохожие изумленно таращились на странного парня, шарахаясь в стороны, когда я, заглядев-шись на какой-нибудь небоскреб, шел, не разбирая дороги.

Надземка встретилась совершенно случайно. Я хочу сказать, что ничего конкретного не искал и искать-то не мог. Просто наткнулся, и все. Я по-прежнему бродил в районе космопорта; решив, что пора бы уже начать серьезные поиски, купил жетон. Вагончик был практически пуст. Я выбрал место у окна, сел. Створки закрылись с мягким шипением. Надземка рванулась с места, набирая скорость. Колея поднималась над землей, огибая здания и скоростные шоссе с крохотными аэрокарами – насекомыми всех цветов радуги. Вид открывался незабываемый. Именно таким я и помню Зевс: величественным, прекрасным и безмятежным. Сейчас все куда-то девалось. Приелось.

Тогда же юный провинциал испытал подлинное потрясение. Зевс с высоты птичьего полета – по головизору все выглядело иначе. Все это было по-настоящему прекрасным, до слез, до щемящей боли в груди. Описать невозможно. Лишь

однажды до этого великого дня я испытал ощущение подобной силы и интенсивности. На Гере, как ни странно: когда впервые в жизни уснул рядом с любимой женщиной, уставший, будто трудился весь день. Мне снились сны, и снился Зевс.

В общем, это был экстаз. Но ничто не длится вечно. Пропустив несколько остановок, я, придя в себя, тут же покинул вагончик. День близился к завершению, а я даже не нашел жилье. Здесь это наверняка проблема, не говоря уже о том, что поиски учителя грозили затянуться надолго. Кто знает, каковы у здешних блюстителей порядка критерии бродяжничества? Отсутствие местной прописки?.. Если, скажем, я – урожденный крестьянин с Геры, – попадусь им на глаза после полуночи, меня ждет неминуемое наказание? Или же бродяжничество предполагало несколько таких нарушений?..

Выкинув это из головы, я вознес Господу краткую молитву и сосредоточился на ближайшей цели – поиске жилья. Форпоста, точки опоры для шага к следующей цели. С моим-то мешком я был похож на кого угодно, но только не на аборигена. Типичный бродяга. Тем не менее, мне везло – ни одного констебля на улице еще не попало. Конечно, меня фиксировали искусно спрятанные видеокамеры, но мер по задержанию пока не принималось.

Зашагав по улице, я постарался меньше глазеть по сторонам и больше думать. Это было нелегко – меня переполняло чувство свободы, такого душевного подъема, будто каза-

лось, что могу без труда вознестись к небесам. Моей здравомыслящей части сознания это настроение понравиться никак не могло. Любая слабость, любая помеха нормальной работе мозга – плохо само по себе. Тогда я сосредоточился на том, что могло бы привести меня в чувство. Мать, оставшаяся с братьями; родной дом, по которому (кто бы мог подумать?) я уже начал немного скучать; немислимая дерзость побега; зависть к обладателям тем, что, вероятно, никогда не будем моим; долгие дни предстоящего унижения; позор возвращения.

Мои усилия увенчались полным успехом. Я пришел в крайне сумрачное расположение духа, однако работа мозга наладилась. Это хорошо само по себе. Мрачный, я шагал по улице, сосредоточенно глядя под ноги. Куда может отправиться бедолага вроде меня? Где может найти крышу над головой, дабы не быть обвиненным в самом страшном преступлении на планете богачей?.. Работу?.. Я не витал в облаках. Здешнее жилье мне явно не по карману, поскольку вряд ли удастся найти хороший заработок. Я ничего не знал и практически ничего не умел (мои навыки профессионального крестьянина вряд ли могли найти применение). Значит, выход один – найти такой вариант, в котором можно было бы совместить обе искомые вещи, – работу и кров. Конечно, это непросто, но я не унывал.

Подняв голову, я огляделся. Казалось, Зевс состоит из одного и того же района. Дорогого и невыносимо прекрасного.

Наверное, бессмысленно пытаться искать самому, следовало бы спросить дорогу. Однако прохожие, степенно лавирующие от одного магазина к другому, меньше всего походили на тех, кто был осведомлен о подобных вещах. Дорогие шмотки, самодовольство на сытых мордах. Я почувствовал невольное отвращение, пообещав себе, что никогда не стану таким – город меня не пожрет. Вряд ли они могли подсказать, где нищий иммигрант может найти работу и кров.

Впрочем... постойте. Навстречу мне шла интересная парочка. Парень и девушка, подростки, лет по шестнадцать. Оба одеты с претензией на оригинальность, броско и сексуально, что помешало мне с первого взгляда оценить стоимость шмоток. Как бы там ни было, они смеялись, что-то весело щебеча друг другу. Другой альтернативы я пока не видел.

Замедлив шаг, я поравнялся с ними и встал на дороге. Подростки с интересом взглянули на меня, без малейшего испуга на лицах, хотя я был крупнее и выше мальчишки. На Гере этим бесстрашным делать нечего, ясное дело...

– Да? – спросила девочка-подросток. – Вы что-то хотите?

Действительно. Просто загляделся на безмятежные лица, веселые искры в огромных глазах. Хорошая пара.

– Я нездешний. Хочу найти недорогое жилье. И, по возможности, работу.

Девочка взмахнула длинными ресницами. Мальчишка нахмурился. Похоже, до него начало доходить.

– У вас нет жилья? – Это было сказано так, будто я признался в убийстве. – Нет места, где жить?

– Совершенно точно, – кивнул я. – Понимаю, здесь это преступление, но я прибыл только сегодня. У меня не было времени, чтобы решить эту проблему. Вы мне не поможете?

Подростки переглянулись. Затем парень оглядел меня критическим взглядом. Ловко это у него получилось. Будущий таможенник, наверное.

– Привести тебя домой мы точно не сможем, – серьезно заявил он. – Не обрадуются и наши друзья.

Меня вдруг осенила гениальная мысль.

– А у вас здесь нет чего-нибудь вроде службы занятости? Ну, для приезжих?..

Подростки переглянулись и неожиданно расхохотались.

– Знаешь, если бы мы занимались трудоустройством приезжих, для нас бы самих здесь скоро места не осталось!.. – Парень перевел дух. – Нет, приятель, на Зевсе созданы все условия для того, чтобы не задерживать «приезжих» вроде тебя. Это – он поднял руку и обвел ею квартал – обыкновенные джунгли. Приходится бороться за выживание. Никто тебе не поможет, ты предоставлен самому себе.

Философ хренов! Я чуть было не бросил ему это в лицо. Терпеть не могу, когда такие недоросли корчат из себя всезнаек. *Богатые* недоросли, прошу отметить. Такой подвид я невзлюбил практически сразу.

– Ну, это я понял давным-давно, еще на своей родной пла-

нете. Больше вы ничего не можете сказать? – Я развернулся, собираясь обойти парочку.

– погоди! – девочка почти схватила меня за руку, но мальчишка быстро ее удержал. – Неподалеку есть место, где собирается... немало приезжих. Дешевое жилье там ты точно найдешь. Если повезет, то и работу тоже.

Я напрягся. Чего-то такого я подсознательно ждал.

– Где это?

– В четырех остановках отсюда, третий маршрут. – Девочка кивнула на колею надземки, вознесенную к небесам. – Район называется «черным».

– Там что, живут негры? – я подозрительно прищурился. – Терпеть не могу негров.

– Да нет, – девочка рассмеялась. – Им здесь делать нечего. Просто черный он. Мрачный, невеселый.

– Понятно. – Я огляделся, отыскав взглядом остановку надземки. – Спасибо, ребята. Вы мне очень помогли.

Девочка рассмеялась. Парень, так и не отпустивший ее руки, потащил подружку дальше. Я покачал головой. Богатей разумный, высшая ступень человеческой эволюции. Хоть я и не верил во весь этот дарвинистский бред, иногда такие идеи казались как нельзя более подходящими...

За считанные секунды лифт поднял меня на колею подземки. На сей раз в вагончике я ехал один, старался поменьше глядеть в окно. Четыре остановки... Считая ту, на которой я сел? Рискнув, я вышел на пятой. Если даже надо мной

подшутили, особого значения это не имело. Идти мне все равно было некуда.

Спустившись на улицу и оглядевшись, я решил, что так оно и было. Богатенькие недоросли сыграли на доверчивости глупого провинциала. Хорошо, хоть денег не взяли...

Я побрел по улице. Все тот же район – Супер Фешенебельный, роскошный и дорогой. Ошибся остановкой? Заметив мужичка, не особенно броско одетого, я бросился наперерез. Тот испуганно отскочил. Я несся прямо на него – лохматый, с безумными выпученными глазами, в несвежей, помятой одежде. Тут даже нестреляный богатей испугается, тем более что на богача мужичок не особенно тянул.

– Извините! – рывкнул я, затормозив. – Мне нужно спросить...

– Без пятнадцати пять, – ответил прохожий, даже не взглянув на часы.

– Спасибо. Мне сказали, что где-то здесь находится «черный» район. Я попал в нужное место?

Мужичок пригляделся ко мне внимательней. Оглядел критическим взглядом. Сам он был невысокий, с многодневной щетиной и красными, налитыми кровью глазами. Программист или наркоман: тарачился в примитивный монитор, а мог и накуриться чего-то.

– Прилетел? – со вздохом спросил обладатель кроличьих глаз. – Сегодня?

Я кивнул.

– Ищу жилье и работу. Хочу остаться.

Мужик еще раз вздохнул и покачал головой, наградив меня страдальческим взглядом.

– Дело твое. Ты попал по адресу. В двух кварталах – «черный» район, не промахнешься. Я тоже там живу. А что до работы... Что ты умеешь?

Я пожал плечами.

– Умею пахать, сеять, снимать урожай. Родился на Гере.

– Ну, – хохотнул наркоман-программист, – сочувствую. Здесь тебе эти умения вряд ли понадобятся. Даже садовником не возьмут... – Мужик почесал щетинистую щеку. – Как зовут?

– Гэс. Гэс Скиммер.

– Джек Смит. Будем знакомы. – Я пожал узкую кисть. Смит улыбнулся и без особой надежды спросил: – Киберпространство, компьютер не знаешь?

Я покачал головой.

– Жаль... Мне бы пригодился помощник.

– Сожалею. – Я развел руками, внутренне усмехнувшись. Моя догадка оказалась верна. Программист. – Я не боюсь тяжелой работы.

– Значит, исходить будем из этого. Ничего не знаешь и не умеешь, но хочешь работать. – Смит задумался. – Иди в гостиницу. Если повезет, найдешь сразу жилье и работу. Я бы тебя проводил, да дела кое-какие остались... Ну, увидимся.

Мужичок развернулся и быстро засеменял вдоль улицы,

я же двинулся в противоположном направлении. Девчонка-богачка не обманула, и это согрело душу. Я обзавелся своим первым знакомым на Зевсе, практически нашел работу и кров. Все это – за какие-то пару часов. Меня переполняло осознание собственного достоинства.

Кварталы более-менее приличных домов без всякого перехода сменились какими-то коробками из-под апельсинов, поставленными на попа. Серые безликие фасады, глупые ряды квадратных глазниц. Буйство архитектурных красот, которые я обозревал все это время, взвихрилось в сознании протестующей бурей. Как может такое уродство, убогость и почти порочная скупость существовать в самом сердце Эдема?

Однако, чем дальше я стоял, с разинутым ртом разглядывая «черный» район, тем сильнее крепла уверенность: все это отнюдь не сон. Отнюдь и увы. Это – мой дом. Нам здесь жить.

Перебросив лямку вещмешка на другое плечо, я двинулся по середине проезжей части. Ни одного аэрокара, – если не считать гудевшие где-то в небесной дали магистрали, – ни одного человека. На ум некстати пришли воспоминания о древнем-древнем документальном фильме, снятом еще на старушке-Земле (весьма своевременно канувшей в Лету).

Помню, его одно время частенько крутили по образовательному каналу. Матросы смеялись и пили в углу, пока я наблюдал суровые черно-белые кадры. Они запечатлели

примерно такой вот городок, выстроенный для одной-единственной цели: проверить, каким таким чудовищным образом ударная волна поработает над пустыми апельсиновыми коробками с безликими фасадами...

Я попытался отмахнуться от назойливых мыслей, но поздно. Никогда не представится вторая возможность создать первое впечатление. «Черный» район серьезно ждал, напрягая каждый бетонный блок. Скоро, совсем скоро... Где-то внутри затаились живые манекены. Я чувствовал взгляды, знал об их присутствии.

Именно такое скверное впечатление сложилось у меня в первые минуты. Скверно сознавать теперь, что я не ошибся. Многотонная бомба взорвалась, и ваш покорный свидетель послужил ее детонатором.

«Есть свободные комнаты». Неоновая вывеска, сейчас блеклая и невзрачная, почему-то сразу же привлекла мое внимание. Очевидно, это и было названием. «Есть свободные комнаты».

Я прошел к фасаду, толкнул стеклянную дверь. Внутри царил прохладный полумрак. Пусто, если не считать деревянной стойки. Внимательно глядя под ноги, я зашагал вглубь вестибюля. Отсутствующие паркетины создавали серьезную угрозу проснуться без гроша в кармане. (Не спешите, подумайте.) У меня появилось ощущение, будто меня каким-то образом завернули на Геру – там такие фокусы первое дело.

Из-под стойки, словно чертик из коробки, вынырнул сухопарый старичок. Видимо, услышал мои шаги, хотя я старался производить как можно меньше шума. Нужен учитель, что и говорить...

– Чем могу быть полезен? – Голос старика оказался под стать внешности: скрипучим и резким, будто вращались несмазанные шарниры.

Я подошел к стойке и стащил с плеча вещмешок. Его вес почти не ощущался, и все же такое движение должно подействовать на старика благотворно.

– Видите ли, – начал я, – мне нужно жилье. У вас есть свободные комнаты?

– Найдется, – сварливо ответил метрдотель, открывая пухлую тетрадь, дабы занести в нее сведения о постояльце. Шариковой ручкой, представляете? Он умел писать *рукой*, чем мгновенно заслужил мое уважение. – Думаю, пентхауз вас вряд ли устроит?..

– Видите ли, – повторил я, – ситуация несколько сложнее. Мне нужна кровать и квадратный метр прилегающей территории. Возможно, вы найдете применение паре сильных рук? – Поясняю, разговаривать со стариками я научился из тех же фильмов.

Метрдотель взглянул на мои руки. Весьма критически, нужно отметить. Это уже начинало действовать на нервы.

...И начался торг. Думаю, не имеет смысла пересказывать его содержание целиком. Нецелесообразно, да я и не

помню всего. Придумывать же заново просто облом. Помню только, что старик согласился практически сразу, основной торг происходил вокруг спектра обязанностей. В гостинице «Есть свободные комнаты» заправлял старикан и его домо-рошенная супруга, которую он называл не иначе как «старой каргой». Само собой, избыток свободного пространства и недостаток рабочих рук давал мне определенное преимущество. Я наотрез отказался заниматься туалетами и канализацией, зато убедил старика, что мне под силам подменять его на нелегком посту. В остальном же на мои плечи ложилась забота об электричестве, чистоте вестибюля и комнат, нескончаемом ремонте, а также защите бастиона от внешних и внутренних врагов – насекомых, бездомных бродяг, любителей побуйнить и прочих, прочих... Короче, практически все, чем только занимается в подобных отелях целая команда бездельников. Старик, должно быть, решил, что я супермен. Старость и жадность свернула его мозги набекрень.

Увиливать от работы я научился еще на Гере, под бдительным взором братьев и матери, так что мог заслуженно считать себя профи. Вряд ли старикан угонится за таким удальцом на своих ржавых шарнирах.

К тому же альтернативы у меня не было практически никакой. На Зевсе множество всяких отелей, – дорогих и *очень* дорогих, – но я сомневался, что хоть один из них согласится принять мои некомпетентные услуги. Тут же, в «черном» районе, я даже мог надеяться обрести некоторую самостоя-

тельность.

Старик, – его звали Том Сойер, – разрешил мне выбрать любую комнату, которую я только сочту приемлемой для проживания своей персоны. Само собой, абсолютно все они были свободны. Заглянув в парочку, я ужаснулся. Каюты грузовозов, – тесные и душные, словно спичечные коробки, – и то выглядели куда привлекательней. Тогда-то я и вспомнил о первом предложении коварного мистера Сойера.

Всего в бетонной коробке отеля было четыре этажа. Чердак, то бишь пентхауз, занимал одну половину плоской крыши, другую – роскошная веранда. В кадках росли чахлые деревца, – какие-то неприхотливые аналоги земных пальм; несколько пластиковых кресел, – знаете, такие обычно эксплуатируются уличными кафе; и, пожалуй, все.

Впрочем, это было много больше, чем я мог себе позволить. Усевшись в кресло, я забросил вещмешок в открытую дверь и устроился поудобней. Несколько минут покоя я вполне заслужил. Вид с третьего этажа, конечно, открывался не Бог весть какой. Унылый квартал апельсиновых коробок, поставленных на попу, нагонял тоску. Однако, стоило только поднять голову и устремить взор в необъятную даль, воображением восполняя ущербность оптического инструмента, как все мгновенно менялось. В груди привычно защемило.

Антигравитационные магистрали и колеи надземок, расчертившие небесную глазурь подобием некой игральной доски. «Черный» квартал находился в своеобразном ущелье, с

обоих сторон зажатый громадами стеклянных небоскребов (стеклянные окна отражали друг друга), и только в дальнем конце открывался тонкий просвет. Подхватив оптический прибор, воображение умчалось вдаль свободной птицей.

Подумать только, я мог просто сидеть и глядеть на хрустальные горы; к чертям головизор. Блаженствуя, я наслаждался покоем и близостью мечты.

...Пока меня не нашел мистер Сойер. Он подкрался незаметно, словно старый хитрый лис, не скрипнул ни единый шарнир.

– Ты, видимо, мальчик, не понял, – вкрадчиво зазвучал скрипучий голос. – Что ты тут делаешь?

Я чуть не свалился на пол. Воображение мгновенно вернуло оптическому прибору способность видеть реальные вещи. Как наяву передо мной предстали ржавые канализационные трубы, провисшую проводку и сотню других вещей, требующих моего немедленного вмешательства. Мистер Сойер явился воплощенным духом тяжелой, неприятной работы.

– Мое первое предложение являлось, скорее, неудачной шуткой. – Старик огляделся, проверяя, все ли пальмы на месте. – Я вовсе не предлагал тебе пентхауз, и никоим образом не мог сделать этого во время твоего, так сказать, трудоустройства. – Старик набрал воздуха, но неудачно. Закашлялся.

– Вам следовало бы щадить себя, – укоризненно заметил я. – Не обязательно расходовать на меня такое количество

слов. Я все ловлю на лету, вот увидите.

– В таком случае... убирай-ка свою задницу из кресла! – старик покраснел, крючковатый нос ходил ходуном. – Быстро!

Я неохотно поднялся.

– Ну, зачем же так... Вы же сами сказали: можешь занять любую комнату. Я и занял.

– Дурачка из себя строишь? – Мистер Сойер все больше распалялся. – Я сказал *комнату*, а не пентхауз. Пентхауз – это целые апартаменты! Понятно?

– Вполне. – Я пожал плечами. – Здесь целых три комнаты, мне хватит одной. Послушайте, давайте так: как только у вас появится платежеспособный клиент, я тут же освобождаю пентхауз. Пожалуйста, мистер Сойер. Мне здесь нравится.

Старик засомневался. С одной стороны – где это видано, чтобы разнорабочий занимал лучший номер в отеле? С другой – отель совершенно пуст, потенциальные постояльцы не ломаются в двери, а здание как никогда нуждается в двух сильных молодых руках...

Мистер Сойер почесал нос и неохотно кивнул.

– Ладно, живи... Но – до первого требования.

Я кивнул, улыбнувшись.

– Конечно, мистер Сойер. Когда приступать к работе?

– Давай лучше завтра. Иди на кухню, миссис Сойер тебя накормит.

– Спасибо, мистер Сойер.

Старик развернулся и заковылял к выходу. Я ухмыльнулся вслед, почувствовал себя при этом грязью облитым. С какой это стати? Правда на моей стороне.

Я разложил нехитрые пожитки в шкафу одной из спален, смахнул пыль с тумбочек и подлокотников, расстелил кровать. Затем, почувствовав возвращение голода, отправился на поиски кухни. Молодое обоняние безошибочно привело меня к почтенной миссис Сойер.

Кухня, как одно из наиболее часто посещаемых помещений, находилась в относительном порядке. Вопреки коррозии и энтропии, поселившихся в каждом квадратном сантиметре отеля, тесная комната выглядела весьма внушительно. Я почувствовал невольный трепет. Половники, сковороды, миски, чайники и множество других инструментов кулинарного таинства, развешанных по стенам, действовали устрашающе. Синие газовые цветки, расцветавшие на огромной плите, отражались в полированных выпуклостях, играли на кафельных стенах. В кастрюлях что-то кипело; огонь недовольно потрескивал, когда из-под крышек изливалась пузырящаяся жидкость. Огромный деревянный стол, изрезанный сотней ножей, носил на себе следы чудовищных преступлений против флоры, и, возможно, даже фауны. Багровые пятна (венозной крови, чего же еще) намертво въелись в древесину. Топор оказался в углу, прислоненный к большому куску белого пластика. Синие цветки плясали на остро заточен-

НОМ лезвии.

У меня на голове зашевелились волосы. Я пересмотрел немало фильмов, в которых, казалось бы, безобидные старички – нередко содержатели отелей, – на поверку оказывались убийцами и каннибалами. Конечно, я понимал, что на самом деле режиссеры и сценаристы, создавая такие «шедевры», пытались бороться с подсознательными страхами старости и увядания, терзавшими их долгие годы, однако ничего не мог с собой поделать. Кухня упорно ассоциировалась в сознании с пыточными камерами средневековья, которыми частенько пугали народ по образовательному каналу. (Дело рук тайной полиции, понятное дело.)

– А, вот ты где!

Я подпрыгнул. Меня опять застали врасплох. Голос был вполне обычным, стариковским, но – обычным.

Оборачиваясь, я невольно отскочил, что было совершенно лишним. Миссис Сойер оказалась милой, благообразной старушкой в красном переднике в белый горошек. Тугой комок седых волос, стянутых на затылке, коротенькие ручки, открытая улыбка. Супруга метрдотеля походила на пузатенький чайник с коротким носом, – неизменный атрибут любого чаепития.

Обогнув меня, старушка поспешила к своим кастрюлям.

– Том сказал мне, что у нас появился новый работник. Отель такой большой, мы, старики, уже не можем с ним управляться. И так едва сводим концы с концами, а имми-

грантов становится все меньше и меньше...

Я прислонился к стене и стал терпеливо ждать. Когда старику нужно выговориться, лучше не мешайте – себе дороже выйдет. Я миллион раз слышал такие проповеди: как было распрекрасно прежде, как все плохо теперь, и как будет невыносимо в ближайшем будущем. Миссис Сойер ничем не отличалась от других милых старушек, которых на Гере было пруд пруди.

Мистер Сойер, видимо, был не особо разговорчивый субъект. Продолжая творить кулинарные таинства, старушка изливала на меня тонны разнообразной информации. Какой отель был красивый, какие щедрые в нем жили постояльцы, как радушно принимал всех Зевс...

– Теперь ничего этого нет, и все будет только хуже и хуже...

Я кивнул, поскольку в душе был с этим согласен. Главное, чтобы поправилось мое собственное положение. Всеобщий развал и упадок прямо-таки требовал моего непосредственного участия.

В те светлые годы, исполненные радужного благоденствия, старикам удалось отложить немного денег, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Старуха или намекала мне, что жалование работникам категорически исключается, или же изрядно поглупела от старости. А ну, стукни мне в голову потрясти богатеев?.. Впрочем, у стариков поразительный нюх на подобные вещи. Я не собирался никого уби-

вать. Забесплатно, конечно, ведь это непрофессионально.

Рядом с кухней оказалась столовая довольно приличных размеров. Судя по слою пыли и мусора, скопившихся за пределами крохотного пятачка, отель и впрямь помнил лучшие годы. Я уселся за стол, расположенный в центре чистого пятачка. Одинокая лампочка покачивалась над моей головой, разгоняя по углам зловещие тени.

Миссис Сойер носилась туда-сюда, как одержимая, покрывая столешницу грудями бесполезной посуды. Я начал побаиваться, как бы ее удар не хватил, но с места так и не встал. Не подумайте, что я такая свинья; моя скромная помощь была отвергнута категорически и бесповоротно.

Явился мистер Сойер. Уселся напротив меня, положил локти на стол, и, прищурившись, уронил на меня тяжелый взгляд. Я вторично предложил свою скромную помощь миссис Сойер, чтобы получить очередной бесповоротный отказ. Мистер Сойер, казалось, успокоился.

Наконец мы – все трое – приступили к трапезе. Старики ели манерно и чопорно, я же не особо следил за собой. Когда вваливаешься в дом после целого дня работы в поле, цель у тебя одна – остаться в живых, ничем не подавившись и не захлебнувшись. Сейчас же я чувствовал такой нестерпимый голод, будто вспахал еще и поле соседей, у которых опять приболел отец-алкоголик.

Набив желудок, я начал обращать внимание на вкус поглощаемой пищи. Всю жизнь я ел только то, что готовила

мама. Кстати, она также пренебрегала услугами кухонного синтезатора, чем взрастила у сыновей крайне взыскательный вкус. Миссис Сойер готовила почти так же хорошо, как и мама. Почти.

Вздыхнув, я ковырнул четвертую котлету. Земля в иллюминаторе...

Старики переглянулись, но промолчали. Меньше всего мне в этот момент хотелось разговоров и откровений. Пойду-ка лучше спать. Спасибо, все было очень вкусно...

Ночь мерцала над Зевсом. Разноцветные огни, зарево проспектов. Бум-бум-бум – откуда-то доносился учащенный пульс музыки. В небе плавали рекламные голограммы: горячая пицца, голопроекторы «Sony», процессоры «Sintel», китайский ресторан «Голубой дракон», программное обеспечение корпорации «Mega-Soft»... У последней голограмма была самой запоминающейся: сплетение микросхем, чипов и лазеров, из которых стремительно проступает человеческое лицо с глазами из жидких кристаллов. «В киберпространстве поселились боги. Хотите стать друзьями? Это можно устроить».

Я не хотел. Киберпространство мне ни к чему, хоть я и имел о нем весьма поверхностное представление. Конечно, я видел по головизору матрицу – особо важные события даже включались в программы новостей, – однако это зрелище никогда меня не впечатляло.

На Гере я мечтал жить реальной жизнью, попасть в насто-

ящий мир. Вырваться из ее жадных объятий, чтобы угодить внутрь очередной иллюзии?.. Нет, спасибо. Я предпочитаю иметь дело с тем, что можно потрогать, понюхать, выпить, обнять... Говорят, киберпространство может предоставить все это любому желающему, поскольку уже давным-давно превратилась в самостоятельную реальность. Перпендикулярный мир, блин. Лично я предоставляю решать этот вопрос философам. Пусть потом расскажут, хе-хе.

Я отвернулся от электронного лика, глядевшего на меня с небес, и подошел к перилам веранды. По Черному району брели несколько сутулых фигур. Вот им друзья требовались наверняка.

Я вернулся в комнату, закрыл за собой стеклянную дверь и плюхнулся на кровать. Моя первая ночь на Зевсе, столице Империи. Я не успел насладиться осознанием этого факта; тьма обрушилась вниз сокрушительным молотом.

Мне снился метеорологический щит и незнакомые звезды на нем. Чье-то бесполое лицо, сотканное из лазеров и микросхем, звало меня по имени. Я отмахивался и пытался бежать.

Бесполезно. Меня догоняли.

На следующий день, позавтракав в одиночестве (миссис Сойер уже всю гремяла кастрюлями, а мистер Сойер, по всей видимости, вставать пока не собирался), я приступил к выполнению своих обязанностей. Отель поджидал меня,

словно затаившийся тигр. Не разевай так рано пасть, дружище.

Миссис Сойер выдала мне инструменты и рабочую одежду, – сильно потрепанную, зато подходящего размера. Застегнув на поясе ремень с инструментами, я стал походить на какого-то ковбоя из космических вестернов. Смешно, зато удобно. Сезон охоты на пустые отели объявляю открытым.

Начал я с коммуникаций. Обход хозяйства принес крайне неутешительные результаты. Пришлось разбудить мистера Сойера.

Спросонья старик выглядел еще более раздраженным, чем обычно. Голову метрдотеля венчал комичный колпак с пушистым помпоном. Выслушав мое предложение, он вперился в меня железобетонным взглядом.

– Сынок, разве я похож на миллионера? То, что ты предлагаешь, было бы проще всего. Я не могу позволить себе поменять в отеле даже проводку, не говоря уже о сантехнике. Потому, собственно говоря, я и согласился принять помощь двух сильных молодых рук. – Он вновь окинул их критическим взглядом. – От тебя требуется лишь вычерпывать воду и, по мере возможности, затыкать новые дыры. Понятно?

Я мрачно кивнул. Чего-то в этом роде я и ждал, но попытаться все-таки стоило.

– Терпеть не могу море и лодки, – проворчал я, разворачиваясь.

– Я тоже, сынок, – зевнул мистер Сойер, закрывая дверь. –

Я тоже...

Следующие несколько часов походили на кошмарный сон. Старый, грязный отель, пустые коридоры, распахнутые двери, бесстыдно демонстрирующие затхлые комнаты... И я – в самом центре, напоминающей какого-то нелепого героя компьютерной игры, мечущегося в поисках заветного выхода. Хотя бы глотка свежего воздуха... Тучи пыли, вздымаемые моими потугами, оседали в глотке наждачной бумагой. Глаза слезились, я почти рыдал над своей незавидной участью. Разгребать такие кучи дерьма ради койки и трехразового питания?..

Ладно, я не жалуясь. Могло быть и хуже.

Начал я, как уже говорилось, с коммуникаций. Все бы ничего, вот только дырок в корпусе нашего «Титаника» оказалось слишком уж много. Не пересчитать. Но я ведь куда не спешил, верно? Тем более что надрывать за указанную плату – вопиющее пренебрежение чувством собственного достоинства.

Позвякивая инструментами, я обследовал одну комнату за другой. Тучи пыли, пласты штукатурки, мечты о глотке свежего воздуха – там было все. Именно в такие моменты и постигаешь счастье простых вещей. Просто сидеть, бездельничая, позволяя мыслям принимать любые формы и облики... Куда более приятные, чем мое тогдашнее настроение.

Грязная, оскорбительная работенка. Так плохо не было даже на Гере. Поле есть поле, но нет ничего чище, чем све-

жевспаханная земля, можете мне поверить. Здесь же приходилось иметь дело с грязью и пылью, оставшихся от предыдущих постояльцев, чей запах, казалось, въелся даже в обои.

А ведь я бежал из родного дома – как можно дальше от таких вещей. Разгребая дерьмо, со слезящимися от пыли глазами, я размышлял – не нашел ли я собственный Ад, уготованный персонально для меня? Где учитель, величайший из наемных убийц, чья наука избавит меня от этого кошмара? Найдет ли он мой собственный Ад?

Я знал, что не вернусь на Геру. По собственному желанию, конечно. Но знал я также и то, что у меня предостаточно времени, чтобы сломаться. Я не супермен и никогда им не стану. Значит, могу сломаться, как простой человек. Приползу на Геру, упаду на колени перед родным домом... Куда, возможно, меня уже не впустят.

Проклятая пыль...

До обеда я успел заткнуть кое-какие дырки в пяти комнатах. Неплохо, если принимать во внимание условия, максимально приближенные к боевым. За обедом я заявил, что не стану работать без специальных герметичных очков и респиратора, защищающих от пыли и прочего дерьма. Так прямо и сказал. Мистер Сойер открыл было рот, но, поглядев на меня, только того и ждавшего, коротко кивнул.

Очки и респиратор нашлись примерно через час, который я провел, наслаждаясь бездельем и счастьем. Сиеста, блин. Вставай, проклятьем заклеяменный. Эксплуататоры хрено-

ВЫ.

Рабочий день окончился на удивление быстро. Респиратор и очки помогали прекрасно, я даже не успел устать как следует. Пять вечера, и ни минуты дольше. Старикан Сойер появлялся время от времени, чтобы поглядеть на мою работу, так и не обнаружив повода для недовольства. Чем, нужно заметить, проявил известное благоразумие. Сбросив рабочую одежду и пояс с инструментами, в начале шестого я прибыл в столовую.

За работой я размышлял. Можете смеяться, но итогом стал вполне закономерный, буквально сам собой напрашивающийся вывод. Который, собственно, и разбудил во мне дух бунтующего пролетариата.

Короче: если я буду работать, не покладая рук, в этом отеле, за одну лишь еду и постель, у меня просто не останется возможностей для поиска выхода из этого унижительного положения. Иными словами, – величайшего наемного убийцы всех времен и народов. Однако, если я не буду работать, меня просто отфутболят обратно на Геру. Замкнутый круг.

Придется выкручиваться. Воровать рабочие часы, требовать законные выходные... Если удастся привлечь еще одного бедолагу, мы даже сумеем создать профсоюз. Старому скряге не останется ничего иного, кроме как платить нам законное жалованье. Размечтавшись, я напомнил себе, что не это, все-таки, является приоритетной целью.

Миссис Сойер накормила меня без лишних слов, стоило только усесться за стол. (На то, чтобы в котелках беспрестанно варилась неплохая еда, у четы эксплуататоров денег все же хватало. Вот погодите, замкнет вам в заднице проводку...) Сегодня она вообще была непривычно молчалива.

Я проглотил жаркое, даже не успев почувствовать вкус, а затем поднялся к себе в комнату, чтобы принять душ и переодеться. То, в чем я прибыл на Зевс, нуждалось в основательной стирке, для которой уже не оставалось времени. Пришлось воспользоваться тем, что находилось в мешке. Помню только, что этот наряд мне не очень-то нравился. Гера – не самое лучшее место для любителей принарядиться. Жопа прикрыта, и ладно.

Руководствуясь столь изысканной философией, я покинул гостиницу. Интересно, откуда начать? Поглядев в оба конца узкого, словно ущелье, Черного района, я двинулся туда, где огни и рекламные голограммы сверкали ярче. В сторонах света я пока ориентировался не очень.

На Зевсе стояла глубокая осень; метеорологический щит рано темнел. Надо полагать, смеркалось.

На Гере сейчас весна...

С небес на меня пристально глядел электронный лик «Мега-Софта». Вернее, его разумного детища, мозги которому заменяли чипы, платы и оптоволокно. Я подмигнул уродливой морде, и, сунув руки в карманы, двинулся дальше.

«Хотите стать друзьями? Это можно устроить».

Куда более уместной такая надпись смотрелась бы под голограммой какой-нибудь роскошной телки, – томной, недоступной и издевательски порочной. Вот, вроде этой. Она прошла мимо меня, покачивая бюстом и бедрами. Красное платье непристойно облегалo фигуру, словно тесная перчатка. Я едва подавил желание оглянуться вслед. По двум причинам. Во-первых, богиню любви сопровождали два мрачных амбала, державшиеся на почтительном расстоянии; во-вторых, лучше не забивать голову бесполезным хламом. Ничего такого я пока не заслужил, хоть и очень хотелось.

Признайте, для малограмотного крестьянина – очень неплохо. Увидеть на Гере такую женщину – считай, свое пожил, можно в могилу. Здесь же, на Зевсе, стать божеством любви не так уж и сложно. Деньги, которые с радостью примет любой косметический салон. «Совершенство – две тысячи за штуку»; или что-то вроде того. Гораздо сложнее – сохранить неповторимую индивидуальность. Наверняка абorigены, пресытившиеся штампованной красотой, ценят в партнерах именно это.

Как бы там ни было, мои тогдашние потребности могла целиком удовлетворить любая штамповка. Может, оно и к лучшему, что денег эксплуататоры мне не платили. Соблазны Зевса представляли серьезную опасность. В поисках наемного убийцы мне придется посещать отнюдь не музейные выставки. Дав себе зарок не пялиться на телок, я согласился на встречное предложение: наверстать упущенное при пер-

вой же возможности.

Вот с такими странностями был паренек, рассеянно шагающий по какому-то проспекту с руками в карманах. Ладно, нужно же с чего-то начать. Но вот с чего? Передо мной стояла вполне конкретная задача – отыскать наемного убийцу. Пусть не самого лучшего, потому как выйти на истинного профессионала, не пользуясь услугами посредников, попросту невозможно. Это понял даже я. Ладно, найдем кого-нибудь рангом пониже и будем надеяться, что сострадание не чуждо даже убийцам.

Итак, посредник.

Наемные убийцы – неотъемлемая часть преступного мира, который имеет место на каждой планете. Даже такой большой и охраняемой, как Зевс, упакованный в метеорологический кокон. Вот только об этом самом преступном мире мой уровень осведомленности равнялся, к примеру, киберпространственной матрице. Обе перпендикулярные реальности упорно избегали общества моей скромной персоны.

Где, скажите на милость, искать преступный мир на этих проспектах, залитых яркими огнями, где каждый квадратный сантиметр простреливался скрытыми видеокамерами?.. К матрице можно подключиться в любом салоне. Заплати и лети. Здесь же даже информацию негде купить.

Я с тоской оглядел бесконечный проспект. Ну почему киллеры не дают объявления в газеты? Это изрядно облегчило бы поиски, что ни говори...

Остановившись, я огляделся.

Прохожие неспешно лавировали мимо, залитые разноцветными огнями. Роскошные шмотки, среди которых не встретишь и двух одинаковых. Веселый смех. Беспечное счастье во взглядах, лениво обозревающих витрины. Суки. Я понял, что начал ненавидеть – стоя в тени, никому не заметный, никому не нужный. Одинокая, злобная крыса из серого металла.

Но есть и другие.

Уткнув взгляд в асфальт, я продолжил путь.

Итак, преступный мир. Кровь из носа, но подключиться. Где и как это сделать? Ни один из тупых аборигенов, окружавших меня, не мог иметь отношения к столь прогрессивному обществу. Хотя, возможно, я ошибаюсь. Все равно выяснить это не представлялось возможным.

К киберпространственной матрице подключали в специальных салонах, если у клиента не хватало денег или желания для приобретения собственной деки. В этом отношении обе реальности не слишком отличались одна от другой. За исключением, пожалуй, того, что к преступному миру подключались всего лишь раз – и навсегда.

Итак, салон. Я огляделся. Нет, нужно свернуть. Те заведения, что расположены на этом проспекте, подходят меньше всего. Слишком людно, слишком громко, светло и дорого. Не имеет смысла. Нужно свернуть.

Дойдя до следующего перекрестка, я так и сделал. Этот

казался чуть менее освещенным, да и прохожих не в пример меньше. По мере продвижения я заглядывал в обе стороны каждого перекрестка. На пятый или шестой я решил свернуть. То ли там и впрямь было темнее, чем во всех предыдущих, то ли мне это занятие просто надоело.

Как бы там ни было, назвать эту улицу проспектом язык не поворачивался. Витрины уже не блистали дебильным излишеством, а прохожие даже начали походить на нормальных людей. Зато перекрестки сверкали огнями – улицы, параллельные предыдущей, продолжали манить в бесконечность. Но тень, как известно, дается отсутствием света. Я не сворачивал, хотя и спросил себя, не найдется ли там перекресток темнее. И не ответил.

Здесьние заведения казались куда менее людными, громкими, светлыми и дорогими. Я шагал вперед, пытаясь по витринам и вывескам определить ранг салона. Один мне приглянулся, но я прошел немного дальше. Пришлось вернуться. Я в приметы не верю.

Бар назывался «Веселый Роджер». Вывеску украшала борода физиономия какого-то моряка с щербатым ртом, протягивающего мне большую пивную кружку. Не голограмма, простой неон. Из кружки капали алые точки, гаснувшие и загоравшиеся, образуя кровавый водопад.

Темные тонированные стекла. Простая дверь, обшитая листовым металлом. Набрав в грудь воздуха, я толкнул ее и вошел.

Знаете, как это бывает? Я имею в виду, в ковбойских фильмах, когда хороший парень входит в питейное заведение, сплошь забитое плохими парнями. Все замолкают и глядят на него, пока он стоит в дверях, темным силуэтом на фоне светлого дня.

Так вот, ничего подобного не произошло. Я вошел, дверь мягко захлопнулась за моей спиной. В баре было полно народу, но никто даже не оглянулся. Что ж, так даже лучше. Я выпустил воздух сквозь сжатые зубы.

Ничего особенного. Бар как бар. Лучше, конечно, чем был у нас в райцентре на Гере, но по стандартам Зевса... Что ж, это-то нам и требовалось.

Я прошел к бару и уселся на высокую табуретку. Положил локти на стол, поглядел вправо-влево. В противоположном конце зала находилась сцена, на которой громыхали какие-то музыканты-недоучки. Публика подобралась самая что ни на есть разномастная. Роскошные наряды соседствовали с кожаными куртками из клонированной кожи, усыпанной блестящим металлом, армейские комбинезоны защитного цвета – с вечерними платьями. Все ели, пили, веселились.

– Что пить будем? – громыхнуло над ухом.

– Я... – судорожно оглянулся. На меня глядела та самая щербатая физиономия, что украшала неоновую вывеску. Глядела, нужно отметить, весьма недоброжелательно. Безрукавка-тельняшка, облегающая мощный торс, обнажала му-

скулистые руки. Их, в свою очередь, покрывали яркие образчики самобытного творчества на военно-морскую-космическую тему. Нелепые татуировки прямо-таки вопили о том, что бармен посвятил молодость служению отечеству. Скорее всего, в морской пехоте. Этим объяснялось и количество присутствующих в баре солдат. – Я... пиво. Пожалуйста.

Бармен кивнул и отошел к кранам, торчащим из стойки. Даже не осведомился, какую марку. Свинья...

Я отвернулся, продолжая украдкой разглядывать публику. Табуретки по обе стороны от меня пустовали. Через одну сидел какой-то мужик в пиджаке и галстук, самозабвенно глушивший виски. Зато вон за тем столиком приземлились несколько мрачных, довольно-таки подозрительных личностей. Целых три штуки. Небритые, в кожаных пиджаках, они время от времени прикладывались к бокалам, обмениваясь короткими фразами. Один, почувствовав взгляд, посмотрел в упор на меня. Я быстро отвернулся.

Что ж, прогресс налицо. Однако нельзя же так просто подойти, чтобы задать самый дебильный вопрос, который только можно придумать!..

«Извините, вы не убьете за деньги?..»

Вот тут я задумался. Шаг за шагом, это верно. Ну, отыскал я кабака, в котором пруд пруди темных личностей. А дальше-то что? Я понял, что не могу это сделать. В смысле, завязать знакомство. Непонятно даже, с чего начать разговор.

Тут я вздрогнул. На плечо мне легла чья-то рука. Не тя-

жело и грубо, как сделал бы обладатель кожаного пиджака. Напротив, – мягко и ласково.

– Привет, красавчик, – сказал грудной, «обещающий» голос. – Как дела?

Эти слова произнесла обладательница той самой штампованной внешности, что так взбудоражила мое воображение на Светлом проспекте. Не та самая, но из той же партии. Для разнообразия – брюнетка.

Роскошная грудь касалась моего плеча, вздымаясь и опускаясь в такт нарочито глубокому дыханию. Лакированные коготки – ярко-алого цвета, в тон помаде, – перебирали ткань моего скромного наряда. Пухлые губки, раскрытые, словно хищный цветок. Огромные зеленые глаза глядели наивно и страстно, будто их обладательница видела мужчину впервые в жизни.

Что ж, мужики на Гере любят похвалиться. Тяжелая работа изо дня в день, от рассвета до заката, превращала их в тупые кряжистые пни – добавляла упрямства и силы, но никак не ума.

Лично я не был о своих внешних данных особо высокого мнения, поэтому не поддался даже на столь форсированную провокацию. Одетая красотка была в узкий топ и короткую юбку. Если б не это, я, может, еще и позволил бы себе обмануться. А так – профессия крали не оставляла сомнений. Зеленые глазки могли хлопать ресницами столько, сколько им заблагорассудится.

Тем не менее, от близости малышки меня прошибло потом. Я изо всех сил старался не опускать взгляд ниже основания шеи. Иначе все, труба. Разум, как правило, оставляет любые попытки вмешаться, когда в дело вступают гормоны. (Может, я и был темным крестьянином, но в жизни кое-что петрил даже тогда.)

Меня спасло другое обстоятельство, от моей воли никак не зависевшее. Такие удовольствия мне были просто-напросто не по карману.

– Извини, крошка, я сейчас на нуле. Как-нибудь в другой раз, ладно? – Пожав плечами, я неловко улыбнулся.

– Тогда дай мне знать, – краля улыбнулась, обнажив ровные белые зубки. – Меня зовут Синди.

Подмигнув, красотка удалилась, покачивая стройными бедрами. Алые коготки царапнули напоследок плечо.

Я сглотнул. Боже, куда я попал?.. Если такие роскошные телки занимаются здесь продажей собственных тел... Ладно, я еще недостаточно знаю, чтобы делать какие-либо выводы.

Бармен со стуком опустил передо мной пивную кружку, заполненную до краев. Белоснежная пена стекала по рифленным стенкам пузатого сосуда. Интересно, какова пропорция стирального порошка?

Обернувшись, я увидел, что Синди подседа за столик кожаных пиджаков. Все четверо явно скучали. Значит, вот она, крыша. Стоило только немного подождать, как все встало на свои места. Никакие они не киллеры.

Однако в зале оставалось еще предостаточно кандидатур для этого почетного звания. По фильмам и новостям уголовной хроники я знал, что наемные убийцы выглядят отнюдь не так, как себе представляет средний обыватель. Они вовсе не увешаны оружием с ног до головы, и могут одеваться как в деловые костюмы, так и в нелепые футболки идиотской расцветки.

Я глянул вправо. Пиджак продолжал глушить виски. Вот он, к примеру, может быть киллером. Поглядев на бармена, протиравшего стойку черной губкой, я почувствовал, как меня осенило. Это ведь его бар, верно? Он даже нарисован неоном при входе. Значит, пират знает здесь всех завсегдатаев. А это бар для завсегдатаев, если он так недоброжелательно уставился на меня вначале. Причем бар, битком набитый проститутками и сутенерами. У киллеров, как водится, полным-полно денег.

Я приложился к кружке. Пиво оказалось просто превосходным, вкус стирального порошка почти не чувствовался. Ладно, была – не была.

– Бармен! – позвал я. – На минутку!

Ходячая выставка самобытного творчества бросила в мою сторону свирепый взгляд. Я попытался улыбнуться. Зачем же так нервничать?

Пират подошел. Для пущего сходства ему не хватало разве что попугая на плече и пустой глазницы, прикрытой повязкой.

– Чего?

Я замялся. Видимо, следовало бы начать разговор изда-
лека.

– Видите ли, у меня возникли небольшие проблемы.

Бармен покосился на пивную кружку в моей руке.

– Заказал – плати. Учти, я даже не спросил, сколько тебе
лет, приятель. Мы тут наливаем всем.

– Я не о том. Пиво что надо. Мои проблемы никоим обра-
зом не связаны с вашим заведением, мистер. Скорее, с дру-
гим господином. И эти проблемы нужно решать. Причем чем
скорее, тем лучше. – Я поглядел на него с хитрым прищу-
ром. – Понимаете, что я имею в виду?

Бармен нагнулся, опершись локтями о стойку. Дерево жа-
лобно скрипнуло.

– Ты что же, приятель, хочешь меня подрядить на заказ?

– Ну, не вас лично. Просто я подумал, что человек вашей
профессии должен знать нужных людей. Возможно.

– Это ты верно подумал, – ухмыльнулся бармен. – Вот
только я не думаю, что *они* захотят знакомиться с *тобой*.

– Почему же? – я решил идти в наступление. Пират почти
расколотся. – Я могу заплатить.

Ухмылка бармена все ширилась. Кивнув куда-то в зал, он
сказал:

– Сомневаюсь, если ты отказался от Синди. Что, на работе
нельзя? Начальство совсем обнаглело? Денег не дают?

Я опешил. Что он несет?

Подумать мне так и не дали. Кто-то подхватил меня под мышки и стащил с табурета. Пивную кружку грубо отняли, расплескав янтарную жидкость по полу. Краем глаза я успел разглядеть рукав кожаного пиджака.

Бармен ухмылялся, пока меня тащили к двери. Тащили сноровисто и быстро. Видать, не впервой. Мне практически не требовалось передвигать ногами. Честно говоря, я даже не успел испугаться. Где-то в горле застрял крик и обида. Разве нельзя поговорить по-человечески, без никчемного насилия?

Меня бесцеремонно втокнули в дверной проем; я исхитрился открыть дверь плечом, а не головой. Грубые руки исчезли, предварительно сообщив телу необходимое ускорение. Я в буквальном смысле перелетел через ступени, чудом удержавшись на ногах в конечной точке траектории.

Нет, чтобы сразу бежать. Я возмущенно глотал воздух, тыча перстом в обидчиков.

– Вы, вы!..

Кожаные пиджаки спускались по ступеням, зловеще потирая руки.

– Сейчас ты расскажешь, – сказал один, – кто ты такой, откуда взялся, и что тебе здесь понадобилось.

– Надо же, фараоны стали брать на работу таких дохляков! – рассмеялся второй.

Тут до меня дошло. Они решили, будто я какой-нибудь шпик-провокактор. Наверное, так и следовало поступить. Я

действовал неуклюже, словно медведь в пряничном домике.

– Вы ошибаетесь, – сказал я, переводя дыхание. – Я не из полиции.

– Рассказывай, – сказал третий, заходя с фланга. – Откуда тогда?

Я открыл было рот, но понял, что мне нечего сказать. Ищу учителя? Прилетел с Геры?.. Люди скорее поверят в правдоподобную ложь, чем неправдоподобной истине. Масса примеров. Тем не менее, что-то выдумывать уже не оставалось ни времени, ни вдохновения.

Кожаные пиджаки приближались. В каждом плавном движении чувствовалось обещание того, что сейчас мне будет плохо. Прямо здесь, прямо сейчас.

Тогда я побежал. Не раздумывая, без колебаний. Так быстро, как только мог. Этому я научился еще на Гере – побьешь не ты, значит, побьют тебя. Альтернатива одна – позорное, крайне поспешное бегство. Стыдно, а что делать? Это гораздо лучше, чем пару недель носить на физиономии следы чужих кулаков.

Кожаные пиджаки не ожидали от меня такой прыти. Я пронесся между беспомощно расставленных рук, ловивших ветер. Вслед слышались возмущенные вопли – добыча ускользала, и уже ничего нельзя было с этим поделать.

Стук тяжелых подошв, быстро затихший вдали. Затихли и вопли.

Я продолжал бежать. Нужно запутать следы. Свернул раз,

другой, третий... Может, и больше. Я несся, не разбирая дороги. Огни и витрины мелькали перед глазами, превратившись в сплошную белую линию. Рассеянные аборигены вскрикивали, едва успевая отскакивать в стороны. Задавлию!..

Ноги могли продолжать движение, но дыхательному аппарату требовался отдых. Легкие горели, будто кто-то поджег в жилах бензин. Перегревшийся мотор стучал, грозя вот-вот взорваться. Поршни продолжали разгонять по телу жидкий огонь. Вентиляция ни к черту.

Медленно замедляя ход, я остановился. И тут же согнулся, схватившись за живот. Желудок сжался в чудовищной судороге, отторгая весь наполнитель. Мне нечем было дышать, а тут еще и блевотина, представляете? В боку нещадно кололо.

Блин, наверное, лучше было остаться. Ну, отлупили бы. Все равно это не могло быть больнее. Может, поверили бы. Хотя вряд ли, конечно... Если такие придурки внушили себе, что ты легавый, значит, пиши пропало.

Утешали две вещи: я так и не заплатил за пиво. А также то, что в итоге они оказались даже глупее меня.

Согласен, в это действительно трудно поверить.

Подойдя к стене, я осторожно сел. Говорят, после таких нагрузок нужно обязательно двигаться, но, черт возьми, пусть меня лучше зарежут. Прямо здесь, прямо сейчас.

Высунув язык, я дышал часто и осторожно. Желудок мед-

ленно приходил в себя. Мотор сбавлял обороты.

Итак, что же дальше? Вряд ли меня хватит на еще один поход в злачное место. Там уже наверняка будет висеть мой милый портретик с надписью «легавый». В этот момент случилось нечто, что в мультфильмах обозначается зажженной лампочкой. Меня осенила идея.

Почему бы и впрямь не спросить у легавых? Уж они-то должны находиться в курсе всех дел. Знаете, как это бывает. Киллер, задержанный на месте преступления; звонок; появление дорогого адвоката: следствие вынуждено закрыть дело по причине нехватки доказательств. Оружейный арсенал возвращается владельцу вместе с маской и перчатками.

Все знают, что вот он – наемный убийца, но никто ничего не может поделать. Меня, как добропорядочного подданного, это несколько не трогало.

Легавые знают все и про всех.

Взятка, данная в нужные руки, могла бы многое для меня прояснить. Тем не менее, сделать это было отнюдь не проще, чем втереться в доверие к очередному бармену. Все-таки я ликовал: в запасе у меня появилась идея.

Более-менее утихомирив дыхание, я огляделся. Куда меня угораздило?.. Ни огней, ни витрин. Серые голые стены, черные окна. Еще один Черный район? Или это Черный и есть?.. Нет, не похоже. Здесь, по-моему, вообще никто не жил. Прохожих не было даже на перекрестке. Стоило мне так подумывать, как в противоположной стороне послышались чьи-то

голоса. Молодые, уверенные голоса, не стеснявшиеся в выражениях. Речь шла, как всегда, о каких-то деньгах и глупых телках.

Привстав, я осторожно выглянул из-за мусорного контейнера. Две фигуры, худобу которых не могла скрыть даже мешковатая одежда. У одного на голове была какая-то чудная шляпа. Остановившись у стены, один полез в карман. Второй щелкнул зажигалкой.

Все ясно. Ребята вышли оттопыриться. Кряхтя, я оперся о стенку и встал на ноги. Уж они-то должны иметь отношение к преступному миру. Раздобыть травку на Зевсе, должно быть, непросто. Сейчас все и выясним...

Выйдя на середину улицы, я, стараясь держать руки на расстоянии, двинулся к молодым наркоманам. Один уже успел затянуться и передавал косяк другому. Завидев меня, оба дернулись, но, взглядевшись, решили оставаться на месте. Я был один, на мне не было формы, в руках – оружия.

Приближаясь, я разглядывал парочку. Молодые парни, мои сверстники или даже чуть младше. Одеты дорого, но как попало. Настороженные лица и взгляды.

– Привет, – сказал я. – Как дела?

Один поглядел на другого, второй кивнул.

– Нормально. – Затянувшись, вернул корешу косяк. – Ты что-то хотел?

– Ага. – Я подошел ближе. Шляпа с загнутыми полями становилась все страньше и страньше. За такой головной

убор у нас, на Гере, долго бы пинали ногами в живот. – Поговорить. Видите ли, мне нужно выйти на одного человека. Вы мне помочь не можете?

Парни переглянулись. Синий дым плыл над головами.

– Смотря кто тебе нужен, браток.

Я выдержал театральную паузу. Не подумайте, что урок, преподанный в пиратском салуне, не пошел мне на пользу. Просто я не видел причин и дальше тянуть кошку за хвост, – в данном, конкретном случае. Наркоманы не походили на матерых барменов. (Или даже таких, что могли бы всерьез считать себя частицей криминального мира.) На моих глазах совершалось преступление – курение запрещенной травки. Своим бездействием я автоматически становился подельником, как гласили строгие имперские законы. (Мое первое преступление на Зевсе. Кто бы мог подумать, ха-ха.) Это уже настраивало парней на нормальный разговор. Я всегда чувствовал людей, и это не пустая похвальба.

– Киллер. Наемный убийца.

Парни переглянулись, а затем, как по команде, оглядели меня с ног до головы. Неужели моя скромная персона и впрямь так часто заставляет людей удивляться?

– Зачем он тебе? – с подозрением спросил носитель чудовищной шляпы. – Сомневаюсь, что твои проблемы настолько серьезны.

Я даже немного обиделся. Чтобы носить такую шляпу, должны быть действительно серьезные проблемы.

– И все-таки, – с нажимом сказал я. – Хотя бы получить консультацию.

Парни опять переглянулись. Я улыбался. Никому из них и в голову не может прийти то, на что решился я. Они – аборигены, никогда не державшие в руках ни гидравлического плуга, ни даже обыкновенного серпа. Оба они зверски тяжелые.

– Ты, видать, не местный? – спросил тот, что без шляпы. Косяк вновь перешел в другие руки. Мне даже затянуться не предложили, свиньи. Ладно, этого добра на Гере было навалом. – Откуда ты, приятель?

– С Геры. Прилетел только вчера.

– С Геры? – Владелец шляпы затянулся. – Это далеко?

Я кивнул. Такое направление разговора меня отнюдь не прельщало, но приходилось терпеть.

– За Адонисом.

Парни присвистнули. Да, для них я был навряде инопланетянина. Или, того хуже, – негра или китайца.

– Прибыл на заработки, значит. – Травка заставляла парня подражать голосу киношного следователя. – Зачем-то хочешь встретиться с наемным убийцей. – Парень о чем-то подумал, и тут его как осенило: – Так у тебя даже жилья-то нет своего?!

– Не понимаю, какое это имеет значение. – Раздражение во мне грозило перелиться через край. Неужели даже преступный мир требует местной прописки? – Я нашел крышу

над головой. Временно, конечно.

– Крыша – это серьезно, – сказал обладатель шляпы. – Крепкая?

Теперь они просто прикалывались над темным крестьянином. Ладно, наш разговор еще не окончен.

– Так вы мне поможете? Как мне найти классного киллера?

– А, – тот, что без шляпы, неопределенно махнул рукой, – читай газеты.

– Газеты? Они-то здесь при чем? – не удивляйтесь, тогда я этого действительно не знал.

Парни расхохотались. Тут я не выдержал: подскочил и врезал ногой шляпнику под колено. Тот согнулся, почти случайно наткнувшись мордой на колено моей другой ноги. Второй от изумления выронил косяк. Я удивил его еще больше, отоварив кулаком в живот. Стенка услужливо рванулась навстречу. Тело начинающего наркомана распласталось на сером бетоне.

Шляпа валялась на земле. Я подошел к ее хозяину, по пути отбросив головной убор подальше. Длинные волосы оказались в моем кулаке.

– При чем здесь газеты? – прошипел я. Голос мой не внушал ничего хорошего.

– Там объявления, – выдавил модник. – На последних страницах, поищи. Что-то вроде: «решаю проблемы». «Ищу работу, грязи не боюсь». Такое... А, больно!

Я отпустил длинные патлы, плюнул и пошел домой.

А может, вовсе не так все было. Помню, кого-то хорошо налупил в свои первые столичные дни, кому-то от меня досталось. Может, тем двум, может, кому-то еще. А может, и тем и другим вместе взятым, ха-ха.

Но, по-моему, на этот раз все окончилось миром.

– Там объявления, на последних страницах, – пояснил тот, что без шляпы. Косяк вновь перекочевал к напарнику. – Что-то вроде: «решаю проблемы». «Ищу работу, грязи не боюсь».

Я уставился на него, вытаращив глаза. Блин, моя первая догадка оказалась верна!

– Киллеры дают объявления в газеты?..

– А почему бы и нет? – носитель шляпы пожал плечами. – Полным-полно. Самое интересное, что найти их никак нельзя. Выяснить, кому принадлежит почтовый ящик, не представляется возможным – это гарантирует надежность «Мега-Софта» и других корпораций. Перед ними пасуют даже легавые.

– Понятно... – Я понял, что по-настоящему радуюсь. Наконец-то в конце тоннеля замаячил свет. – Значит, газеты, да?

– Ага.

– Но в отеле нет компьютера... – Моя радость внезапно увяла. На Гере мы ездили в райцентр, читать с экрана. Понятное дело, на объявления никто и внимания не обращал. Может, в апартаментах хозяев компьютер и был, но... – Нет

оптоволокну, нет и Сети. Как же я их буду читать?

– Купи чип. – Носитель шляпы пожал плечами. – Делов-то. Планшетка хоть есть? И что за отель вообще такой?

– В Черном районе, – сказал второй, сунув руку в нагрудный карман. – Я прав?

Выудив из кармана крошечный чип, он протянул его мне.

– Пять баксов, приятель. Не так много за ценную информацию.

Я с ухмылкой покачал головой. Коммерсант хренов. Что, веселье в наше время уже ничего не стоит? Они достаточно надо мной посмеялись.

– Думаю, в любом киоске он стоит раза в три дешевле. – Еще неизвестно, есть ли у стариков-Сойеров чертова планшетка. Я не заметил. – К тому же твоя информация уже устарела. Куплю лучше завтрашний. Но за совет спасибо!

Развернувшись, я, насвистывая себе под нос, зашагал по переулку.

– Мудак, – слышалось вслед.

– Сам такой, – ответил я, рассмеявшись. – Теперь мы в расчете! Целые ребра за простые слова – неплохой обмен, согласись.

Ответом мне послужило молчание. Одурманенные аборигены напряженно шевелили извилинами. Ну и хрен с ними.

Разузнав дорогу у какого-то прохожего, я вернулся в Черный район и завалился спать. Все, дайте горло промочить...

На следующее утро, разузнав у мистера Сойера насчет местонахождения электронной планшетки, я...

– Не понимаю, зачем она тебе понадобилась, – брюзжал старик. – Мы с Мартой уж давно никаких газет не читали. Да и читать там нечего, сам увидишь. Одних объявлений понасовали, а кому они надо?.. Платишь, короче, за несколько строк. Одни проститутки да киллеры...

Сами понимаете мое состояние. Я стиснул кулаки и челюсти, чтобы не завопить во всю крестьянскую глотку.

...наспех позавтракал и побежал за газетой, клятвенно пообещав заняться планшеткой после работы. Старик торжественно вручил мне пыльный прибор.

Чип стоил один доллар двадцать пять центов. Сегодняшний.

Схватив пластину дрожащими руками, я помчался обратно в гостиницу. Вот он, билет в светлое будущее! Стоит лишь переступить порог... Я отчетливо осознавал, что придется мне вовсе не в бирюльки играть, и все же думал именно так. Не видел того, как через тот самый порог переливалась густая венозная кровь. Внутри было все что угодно, но только не свет.

Однако на пути стоял очередной день грязной, тоскливой работы. Я и впрямь казался себе глупым мальчиком, бегающим вдоль дырявой плотины и затыкающим единственной пробкой множество дырок. Ни капли смысла, верно? Ничто, никакие усилия не могли сдержат чудовищный натиск эн-

тропии, рвущейся в чертов отель.

По всем тестам, которые мне только доводилось делать в школе, выходило, будто я клубок противоречий: упрям, но нетерпелив; жесток, зато справедлив; неисправимый романтик и жуткий прагматик... Все – в одном лице.

Наверное, в те годы так оно и было. За примерами далеко ходить не надо. Я никогда не любил обходить препятствия, представляя их себе кирпичной стеной, которую нужно разрушить во что бы то ни стало. Затыкая дырки в отеле-плотине, я грудью бросался на эту самую стену, в кровь расшибая лоб и ладони. Все мои усилия пойдут прахом в самое ближайшее время, – плотина окончательно рухнет под диким напором. Я же хотел видеть одно лишь грядущее. Довольно с меня грязи, пыли и оголенной проводки.

Поэтому эти самые усилия носили, скорее, символический характер. (Если вы понимаете, что я имею в виду.) Нельзя расслабляться так близко от цели. Я кожей чувствовал, что приближаюсь к ней с каждой минутой, – как чувствуют тепло или холод. Лихорадочная радость только росла, пульсируя и согревая желудок.

Не помню, как окончился мой второй рабочий день. Наверное, я поужинал, не замечая вкуса, и только тогда поднялся в пентхауз за планшеткой. Но, скорее всего, я был слишком уж нетерпелив и сразу же помчался наверх, прямо в рабочей одежде.

Схватив планшетку, я включил питание и сунул в прием-

ную щель чип-газету. У нас на Гере такие не продавались. По одной простой причине: корабли заходили в порт довольно редко, так что везти еще и газеты не имело смысла – к тому времени новости теряли свою актуальность.

Наспех разобравшись в управлении, я начал прокручивать текст. Плоский экран высвечивал одну за другой страницы, верстка которых походила на древние – настоящие газеты, – которые наши варвары-предки печатали еще на бумаге.

Объявлениям предшествовал хрустящий ворох скучных и бесполезных статей: Император сделал такое-то заявление, Император сделал то-то, Император посетил Сенат и кого-то еще; новый закон, новые налоги и новые проблемы; ситуация в Пограничье, подозрительная активность Иных; мятеж на Зимбабве, паранойя террористических актов; «Мега-Софт», как всегда, хвалился успехами в области искусственного интеллекта. Уголовную хронику я пропустил, не глядя.

Мне приходилось листать все эти «страницы», потому как терпения на то, чтобы окончательно освоиться с управлением, уже не хватало. Вот оно, аллилуйя! Несколько страниц, заполненных крохотными черными буквами. Объявления. Я жадно прильнул к планшетке.

Так... Жилье, постылое куплю-продам, обмен какой-то херни и многое другое. Я знал, что искать следовало в разделах «Разное», «Ищу работу», или просто в «Услугах». Последние были бесстыдно захламлены откровенной вульгар-

щиной; застенчивые предложения порезвиться меркли перед особо экстремальными перлами. (Я вовсе не был монашком, но парню с захолустной планеты, сами понимаете, все это было в диковинку.) Проститутки: телефонные, сетевые (безумно дорогие виртуально-киберпространственные, или же позорно дешевые клавиатурно-буквенные), натуральные – любого пола, возраста и расовой принадлежности, включая, конечно, Иных. Цветной файл-каталог, видимо, высылался по первому требованию.

Как вы понимаете, все это меня не интересовало. Ну, интересовало, конечно, только всему свое время. Раздел «Разное» был слишком велик, разнопланов, а значит, заочно ненадежен. Его я оставил на потом. «Ищу работу» принес некоторые результаты: пара объявлений, типа «Решаю проблемы. Любые», «Крови-грязи не боюсь», я постарался запомнить. Видимо, у планшетки имелась своя оперативная память, но обращаться с ней я пока не умел.

«Услуги» все-таки тянули меня. Среди проституток, со всеми их непристойными предложениями, белой вороной смотрелось скромное: «Устраняю конфликты». И номер. Простенько, но со вкусом. В принципе, киллер мог написать «Устраняю людей», но вряд ли редакция газеты пропустила бы такое в «печать». И все же смысл почти не менялся. Нет человека, нет и конфликта. Раз и навсегда.

Почему-то это объявление заинтересовало меня больше всех прочих. Всего же в газете наемные убийцы предлагали

свои услуги шесть раз. Запало, знаете, в душу. «Устраняю конфликты». Я не особо любил конфликты, и весьма любил деньги.

Все мы были молоды. Все мы когда-то любили.

Схватив планшетку, я поспешил вон из номера. В отеле, как уже говорилось, не было ни компа, ни оптоволокну. Значит, связываться с неизвестным абонентом придется откуда-то из другого места. Пустяки. На любом бульваре-проспекте было полным-полно салонов. Отправить сообщение я еще мог себе позволить, хотя обращаться со своим, с позволения сказать, капиталом стоило очень и очень бережливо. Поэтому я решил пока начать с того самого, что устраняет конфликты. По-настоящему классные киллеры в рекламе не нуждались, однако выбора у меня особого не оставалось. Получим ответ, а там посмотрим.

Итак, схватив планшетку, я поспешил вон из номера. Но, стоило только распахнуть дверь, как под ноги подвернулся какой-то мужичок-старичок. Он как раз поднимался по лестнице, в обеих руках – потрепанные саквояжи. Рассчитав траекторию таким образом, что столкновение должно было только сообщить мне ускорение, я устремился напрямик на него. Затея, достойная идиота, однако в тот момент я уже ничего не соображал, ополоумев от счастья.

В самый последний момент старик непонятным образом вывернулся, изогнулся, испарился из точки встречи. Я оступился и едва не навернулся вверх тормашками с лестницы.

Спасли крепкие стальные перила. Планшетку удалось поймать едва ли не зубами.

Радость, надежда и счастье моментально сменились своими темными ипостасями: гневом, досадой и злостью. Красный, немного испуганный, но злой как черт, я обернулся к нахалу. А главное, что и сердится-то следовало на самого себя: сам виноват. И все-таки, я был прежде всего жесток, а уже потом – справедлив.

Старик ничуть не смутился. Поглядев на раскрытую дверь, он повернулся ко мне и тихо спросил:

– Это тот самый пентхауз, что обещал мне хозяин?

– Это пентхауз, – проворчал я, – но обещать вам хозяин ничего не мог. Здесь живу я.

– Да, мистер Сойер сказал, что здесь временно проживает некий работник. Это вы и есть?

Я вовсе не забыл наш уговор освободить номер по первому требованию. Вот только все эти старые пердуны меня уже здорово достали, к тому же я привык к просторной веранде. Занимать одну из тех комнатушек, в которых я каждый день чиню проводку, мне совсем не улыбалось. Вот он пусть там живет, он старый, ему все равно.

– Вот что, папаша, пойдем-ка со мной. – Я взял старика под локоть, собираясь спустить этажом ниже. – Я покажу тебе прекрасные апартаменты, пентхауз еще не доведен до ума...

Старик не шевельнулся. Рука была твердой, как сухой де-

ревянный сук. Тогда я ухватил его за плащ, как говорится, за шкирку. Ярость продолжала kloкотать внутри, а она – отнюдь не лучший советчик. Мозг отключился, хотя я всегда уважал стариков.

Старик стоял, словно каменная глыба. Длинные седые волосы, аккуратная бородка, над которыми холодно сверкали два бесцветных глаза, окруженных кругами глубоких морщин. Умный, совершенно спокойный и пронизательный взгляд. Как раз то, чего мне в данный момент не хватало.

Но, наверное, это Судьба. Будь я на вот столько умнее, возможно, так и не узнал бы, чему этот Старик может меня научить. Я потянул сильнее.

В следующую секунду произошло что-то невероятное. Только что я стоял на обеих ногах, чувствуя твердую почву под ногами, а вот уже лежу на этом самом полу, уложенный на обе лопатки. Потолок мелькнул перед глазами, лампа быстро сверкнула. Пол коварно ударил в спину, воздух одним толчком вырвался из легких. Я обнаружил, что уже не могу вдохнуть.

Рука старика сдавила мне горло, вторая вывернула правую руку под хитрым углом. Левая моя рука держала драгоценную планшетку. Старик даже не особо напрягался, по крайней мере, на лице это не отразилось. Только в глазах появился неприятный блеск, как будто на острый алмаз уронили слезу. Холодные пальцы сдавили трахею, я задыхался.

Тогда старик наклонился – длинные белые волосы едва не

касались моего лица, – и тихо сказал:

– Я мог бы убить тебя, но это было бы проще всего. Никогда я еще не убивал бесплатно. Живи.

Пальцы разжались, старик встал во весь рост. Воздух рванулся в легкие, но, прежде чем кислород всосался в кровь, до меня дошел смысл слов старика. Планшетка упала на лестничную ступень, скользнула ниже.

– Вы... – прохрипел я, – вы...

Палец на моей трясущейся руке указал на старика.

– Вы... киллер?!

По-моему, старик улыбнулся. Борода чуть шевельнулась, обнажив красные губы. Подхватив саквояжи, он направился к открытым дверям пентхауса.

Из рта моего сам собой вырвался вопль:

– Возьми меня в ученики!!!

Остановившись на пороге, старик медленно повернул седую голову. Холодный взгляд бесцветных глаз придавил меня всей своей тяжестью. Наверное, это была самая страшная секунда в моей жизни, и длилась она целую вечность. Что, если б он усмехнулся, вошел и запер дверь? Я представил себе это в мельчайших подробностях. Пришлось бы обращаться по объявлению, но... это Судьба.

Старик усмехнулся. Поставил саквояжи на пол и подошел ко мне.

– Встань.

Я сделал это так быстро, как только сумел. Руки сами со-

бой легли по швам; в глазах немного поплыло. Старик оглядел меня с ног до головы, придирчиво, будто жеребца на ипподроме. Конечно, ведь он тоже делал своеобразную ставку... Я затаил дыхание. Старик по-прежнему мог развернуться, войти и закрыть дверь.

Но... Судьба. Как я уже говорил, Старик был с прибабахом. Нормальный бы просто послал меня к такой-то матери, по какому бы объявлению я ни обращался. Куда там ученики – самому дай Бог на жизнь заработать...

Но Старик... Судьба. Бесцветные глаза блеснули из-под нависших бровей. Как-то весело, озорно, словно почтенный дед задумал молодецкую шутку. Не берусь объяснять то, что творилось в его голове. Именно «словно». Мысли бурлили в его седой черепушке, сталкиваясь, сообщая друг другу энергию для новых столкновений... Которая послужила первопричиной?

– Хорошо, – кивнул наконец Старик. – Фактура вроде неплохая. Посмотрим, на что ты годишься.

Я не поверил собственным ушам. Честно говоря, я начал считать, что все это – сон. Знаете, такое плывущее ощущение нереальности всей ситуации. Один большой, отлично срежессированный сон, которым подсознание надеялось разрядить обстановку в более высоких слоях. Близость мечты – неопишимо. Нечто похожее испытываешь, когда впервые познаешь близость женщины. Ничего другого в голову не приходит, ха-ха...

– Вы согласны? – спросил, прокашлявшись, я. – Это правда?

– Я не лгу, – насупился Старик. – Считаю, что ты *уже* мой ученик. Еще одно такое предположение, и ты за это жестоко заплатишься. Понятно?

– Да, сэр. Я хочу сказать, вы согласны учить меня просто так, забесплатно? – В это действительно было трудно поверить.

– А как еще можно чему-то научить? – удивился Старик. – Учить за деньги – это просто работа. Предупреждаю сразу – будет трудно. Не передумал?

– Нет, сэр. – Я ухмыльнулся. – Ни в коем случае!

– Так-то лучше. Мы еще поговорим об этом. Иди, собери вещи. – Старик подхватил чемоданы и скрылся за дверью.

Я оторопел, и только спустя минуту до меня дошло, что дед таки добился своего. Выселил меня из комнаты, собака! Ладно, будем считать это началом обучения. Я очень хотел учиться, и столь же сильно не хотел за что-то заплатить. Причем волновался отнюдь не за сохранность шкуры – за отношение Старика. Сильная комбинация, гарантирующая стопроцентную успеваемость.

Тогда я еще не знал, что у него не все в порядке с головой. Что все волнения, сомнения и сложные просчеты – простой ноль. Старик руководствовался идеями своего безумного разума, напоминающими продукты распада некоего долгожи-

вущего изотопа.

Поспешив вслед за Стариком, я наспех побросал вещи в мешок и убрался вон, чтобы подобрать себе комнату. Где-нибудь этажом ниже – пентхауз и веранда занимали весь верхний. Расставаться с ними мне было, признаться, жаль. Но, чего только не сделаешь ради мечты! Того, другого... И жизнь проходит. Я поклялся, что сделаю все возможное и невозможное. Судьба вела меня – в тот момент я по-настоящему в это поверил, впервые в жизни.

Все случилось настолько неожиданно, что я, подыскав себе комнату, даже засомневался – не галлюцинации ли все это, бред больного сознания?.. Остался ли странный старик этажом выше, или я покинул пустые комнаты?.. Дикий испуг. Наверное, я сам чудом не свихнулся. Забросил мешок в номер и опрометью помчался наверх. Распахнув дверь, застал Старика внутри. Тот как раз распаковывал свои чемоданы. Седая голова поднялась, бесцветные глаза в упор поглядели на меня.

– Молодой человек, – сварливо начал он, – вас разве не учили стучаться?

– Ну... – Я замялся. – Извините, я просто хотел посмотреть, как у вас дела.

– Дурак, – усмехнулся старик, тут же возвращая лицу сердитый вид. – Ты должен был ответить на прямой вопрос. Разве я спрашивал тебя о том, что ты хотел?

Я, окончательно сбитый с толку, покачал головой.

– Вот видишь. Не спрашивал. Впредь будь более внимателен. Всех учат стучаться, прежде чем войти в помещение, даже Иных. Но киллерам это совсем ни к чему. Внезапность – наша главная сила. Такого ответа я ждал от тебя.

– Я понял, сэр. – Сглотнув, я попытался понять. – Можно идти?

– Мы не на занятиях. Можешь приходить и уходить, когда тебе вздумается. Неуловимый, свободный, как ветер. – Старик вернулся к чемоданам.

Я осторожно закрыл дверь. Отошел подальше, хмыкнул и пожал плечами. В душу закрались первые сомнения. А были этот старик действительно наемным убийцей? Ну, ляпнул что-то насчет убийств бесплатно, а потом подыграл молодому лоху. Вот только ушибленная спина болела до сих пор, да и держался Старик слишком уверенно... Он мог выселить меня из номера без таких ухищрений. И вообще выселить из отеля, приведя во временную нетрудоспособность.

Тогда я решил, что у Старика в любом случае есть чему поучиться – киллер он там, или просто знаток рукопашного боя. Поживем, увидим. Спешить нам некуда.

Вздыхнув с облегчением, я подобрал со ступени планшетку и спустился этажом ниже. По счастливой случайности в выбранной мною наспех комнате – крайней, ближайшей к лестнице, – имелось водоснабжение, работала единственная лампочка и даже сливной бачок, – можете себе представить. По счастливой – чтобы далеко не ходить. По-моему, в другом

конце коридора даже обои на стенах имелись, но кому нужны обои, если придется бегать лишние два десятка метров?

Ладно, я быстренько разместился, окончательно доломав хлипкий шкаф. Что же теперь? Вечер только начинался. Насколько я понимаю, мои планы подверглись чудовищным метаморфозам. Бежать в салон, отправлять сообщение по данному в объявлении номеру теперь не имело смысла. Подумав об этом, я встряхнул головой. Все произошло настолько неожиданно, настолько стремительно... А главное – момент. Будь я параноиком, меня непременно осенила бы идея, что все это кто-то подстроил; будто бы я нахожусь в самом центре заговора, паутиной опутавшего мир вокруг меня... Не сердитого ли бармена рук это дело? – всерьез задумался я.

Близилось время ужина. Послonyaвшись немного по комнате, я спустился в столовую. Вряд ли Старик – я твердо решил называть его в уме именно так, – решит начать обучение прямо сегодня. Впрочем, кто его знает?..

Спустившись в кухню, я присел на табуретку и стал наблюдать за стряпней миссис Сойер. В голове копошились, суча тонкими лапками, назойливые мысли. Кто он такой – этот старик? Не было ли с моей стороны неосмотрительностью – по меньшей мере, – просить о такой серьезной вещи, как ученичество? На киллера он не походил даже внешне. Какой-то серый, потрепанный плащ, выдавшие виды сакво-яжи... Усталые морщины. Я же представлял себе киллеров совсем иначе. Как, впрочем, режиссеры и сценаристы всех

тех безумных фильмов, которые я пересмотрел в своей жизни. Сами знаете, какой романтический образ они в них воспели...

Однако Старик кое-что умел – я испытал это на собственной шкуре. Да и говорил он как киллер – зловеще и путано.

Как говорится, синица в руках... Объявления никуда не денутся.

Миссис Сойер накрыла на стол, и я уселся между хозяевами. Старик явился последним. Длинные волосы были стянуты на затылке белым хвостом, борода аккуратно расчесана. Только сейчас я смог разглядеть его целиком, – прежде плащ оставлял снаружи лишь кисти и голову, – и был приятно удивлен. Чистая сорочка и черные брюки прекрасно сидели на поджаром теле. Ни брюшка, ни старческой худобы. У старика было тело сильного, здорового мужчины.

Вот так вот. Сомнения неохотно отступали.

Мы начали ужин. Все молчали. Я – в компании трех стариков. Видели бы меня кореша... Молчание мистера Сойера было делом обычным – он молчал угрюмо. Миссис Сойер, явно отвыкшая от такого наплыва постояльцев, молчала смущенно. Старик молчал, скорее, задумчиво. Я же молчал потому, что боялся начинать расспросы. Кажется, ученикам положено сидеть и молча ждать, пока учитель сам к ним обратится.

Старик ужинал с аппетитом, тщательно прожевывая каждый кусочек сочного ростбифа, которые он отрезал неболь-

шим ножом. Я сразу заметил, как мастерски он это делает. Что ж, наемный убийца должен уметь все. Не знаешь ведь, какой заказ получишь. Вдруг придется отрезать от жертвы по маленькому кусочку, пока та не умрет от потери крови... Бывает и такое. Сосредоточившись, я постарался взять нож так, как его держал Старик. Ростбиф даже не сопротивлялся.

Старик пил сухое красное вино. Он один – мне никто не предлагал, – хотя я бы не отказался, – чета Сойеров на себе сэкономила. То ли алкоголь пошел в кровь, то ли просто время пришло – Старик начал вещать. Вступил в вялую беседу с мистером Сойером, делая весьма опасные и провокационные заявления. Под конец беседа превратилась в монолог. Заявления стали все более сумбурными, теряя взаимную связь, последовательность и внутреннюю логику. Не помню уже, что он там морозил. Помню, что слушал с открытым ртом. Старик говорил совершенно спокойно, но от слов его разило то жаром, то холодом. А то и ядовитыми аммиачными парами.

Мне стало страшно. Не может быть, чтобы он притворялся. Старик без башни. Ку-ку. Я понял, что вляпался. Настроение резко упало. Как он собирается меня учить?.. Вот именно – я этого не знал. Возможно, навыки не тронет даже маразм. Возможно, знания и опыт въелись настолько глубоко в его мозги, что их не тронет любая эрозия.

Блин... Как много вопросов. А я уже устал от них. Настанет ли когда-нибудь время, когда я смогу пожить спокойно,

не терзая себя по поводу и без повода?..

Каждый сам кузнец своего счастья. Но это только на словах так просто. Тот, что бредет, спотыкаясь, к своей цели, меня поймет. Ничто в жизни не дается легко.

А если дается – подумайте трижды, не пытаются ли вас обмануть.

Нет? И слава Богу. Я рад за вас.

В общем, ужин захлебнулся. Подошел и рухнул в пропасть. Миссис Сойер, подчистив свою тарелку, быстренько смылась на кухню. Мистер Сойер, проворчав что-то невразумительное, также счел за лучшее убраться подальше. Я остался наедине со Стариком.

Вздернув брови, он пытливо поглядел на меня. Ни тени опьянения. Узкие сухие ладони соприкоснулись, тонкие пальцы, на которых шарнирами выделялись суставы, сплелись хитрым узором.

– Ну, ученик, давай же наконец познакомимся. Меня зовут Иган Маккензи. Это мое настоящее имя, значение которого понятно лишь мне одному. С тех пор, как родители меня нарекли, прошло немало лет. Мне пришлось сменить не один десяток имен. Гораздо больше в Империи известно мое короткое прозвище, ты, безусловно, также его слышал. Перед тобой Седой.

Я вздрогнул. Но перед этим в голове повис бестактный вопрос. Какой-такой седой? Цвет волос? Это я и так видел. Но потом пришли воспоминания... Тогда-то я и вздрогнул.

Седой – знаменитый убийца, киллер-легенда. Про его подвиги сняли два художественных фильма и целую кучу документальных. Если исходить из этого, Старику должно перевалить за сотню лет!.. Но Седым он был всегда. Во всяком случае, с ранней молодости. Знатоки объясняли это по-разному, двух одинаковых мнений не было.

Седой прославился тем, что никогда еще не отступал от принятых обязательств. А брался он за самые отчаянные заказы, умело и в срок устраняя власть предержавших – людей и Иных, – подобраться к которым, казалось, киллеру не представлялось возможным. Вполне естественно, что услуги Седого стоили недешево. Зато принятый заказ являлся гарантом того, что все будет сделано.

Пару раз объявлялись шулера с выкрашенными в белый цвет волосами. Спустя недолгое время находились их изуродованные трупы, разрезанные лазером – любимым оружием подлинного Седого, – а деньги возвращались хозяевам. Как правило, те увеличивали сумму, и заказ выполнялся.

Седой никогда не повторялся. Выдумка и изобретательность, неповторимый стиль сопутствовали каждому убийству. Никто не мог скрыться от Судьбы, если за дело брался Седой.

Все это промелькнуло у меня в голове, пока я смотрел в холодные бесцветные глаза. Глаза самой Смерти. Нет, не может этого быть. Это просто старик. Седой исчез задолго до моего рождения: предполагали, будто киллер нашел свою

смерть на одном из диких миров Пограничья. Но Старик продолжал смотреть прямо в мои вытаращенные глаза, и ни один мускул не дернулся на морщинистом лице. Переплетенные пальцы поддерживали заросший подбородок. Каким-то образом я понял, – не разумом, до него это еще не дошло, – желудком, что ли, что это и есть Седой.

Невероятно, непостижимо, граничащее с помешательством, но это так. Я удостоился чести быть учеником одного из величайших киллеров Галактики. А в живых к тому времени величайших осталось совсем немного...

По-моему, я прослезился. Мне стыдно об этом вспоминать, но иначе вы и близко не поймете всех моих чувств. Я нашел того, кого искал всю жизнь. Этому человеку предстояло заменить мне отца, передать мне все то, чему сам он учился долгие годы. (Мне эти годы ясно представились в виде черных чугунных ступеней, залитых кровью, уходящих в бесконечность...)

Наверное, я сидел бы так долго. С вытаращенными глазами, застывший каменным изваянием над пустой тарелкой. Старик первым нарушил молчание:

– Теперь ты знаешь мое настоящее имя. Как зовут тебя?

Я вздрогнул. Из пересохшего горла вырвались какие-то лающие звуки, ничуть не подходящие на имя. Прокашлявшись, я повторил:

– Гэс Скиммер, сэр.

– Откуда ты, Гэс? Зачем явился на Зевс? – Старик усмех-

нулся. – Думаю, не за тем, чтобы прозябать в этом отеле.

– С Геры, сэр. Я прибыл на Зевс, чтобы найти учителя. Другого жилья, кроме этого отеля, мне пока найти не удалось. Здесь не так уж и плохо, если подумать. Денег не платят, зато кормят отлично.

Теперь настала очередь Старика удивляться. Будто в издевке, он вытаращил глаза. Я задумался, что же из сказанного его так удивило.

– Ты прибыл в столицу, чтобы найти учителя? – осторожно, будто нанизывая каждое слово на тонкую нить, повторил Старик. – Учителя-киллера?

Я кивнул. Что тут сказать?

Старик покачал головой. Пальцы с хрустом сжались в кулаки.

– Не верю. *Это* я прибыл сюда, чтобы найти ученика. Как видишь, я уже не молод. Не годится, чтобы мои опыт и знания канули в звездную бездну. – Старик вновь поглядел мне в глаза. Холод и лед его взгляда сменился огненным жаром. – Я мог без труда отыскать подходящего парня в том мире, что служил мне домом последние два десятка лет. Никто из тех дикарей не знал и знать не мог, кто я такой, что из себя представляю. Но что-то у меня в голове упрямо твердило: улетай, лети на Зевс. Там и только там ты найдешь ученика. Знаешь, чей это голос?

Я покачал головой, хотя ответ был мне известен всю жизнь.

– Судьбы, – заявил Старик. – Судьба свела нас вместе. Возможно, Господь Бог.

Старик ухмыльнулся, блеснув белизной зубов. Я вежливо улыбнулся в ответ. Сняться с места, которому отдал двадцать лет жизни, чтобы лететь неизвестно куда, на встречу с Судьбой?.. Бывает и не такое, конечно. Однако я почему-то считал, что наемные убийцы куда более вдумчивы и рассудительны. Несмотря даже на то, что теперь я точно знал – это Седой. Старые снимки удивительно точно накладывались на морщинистое лицо.

– Это большая честь для меня, сэр. Постараюсь оправдать ваши надежды.

– А я – твои, сынок. Я – твои...

Седая голова наклонилась, Старик принялся изучать столешницу. Озадаченный, я ждал продолжения. Прождав минут пять, я тихо встал и отнес тарелку на кухню. Вернулся, заглянул в столовую – знаменитый киллер, казалось, уснул. Наверное, следовало бы отвести Старика в пентхауз, но мне совсем не улыбалось разбудить спящего зверя. Вместо этого я поднялся на свой этаж, и, рухнув в кровать, последовал примеру учителя.

Ночь Зевса манила огнями, звала громкой музыкой. Я отвернулся к стене.

К завтраку я спустился уже в рабочей одежде. Признаться, я и сам был озадачен не меньше вас, дорогие слушатели. Во-

прос о том, каким образом мой день будет делиться на учебу и работу, повис в мозгах идиотским ярко-красным шаром. Битва с энтропией, которую еще никому не удавалось выиграть, высасывала из меня все соки. Тут не до учебы. С другой стороны, мистер Сойер удерживать меня не станет – не хочешь работать, выматывайся. Порочный круг какой-то. Как, впрочем, и вся моя жизнь.

Как бы там ни было, в столовую я спустился в полном боевом облачении – инструменты у пояса, забрало очков на носу. Старик был уже там и читал вчерашнюю газету, пользуясь памятной мне планшеткой. Я поздоровался. Старик оторвал от экрана глаза и смерил меня взглядом. Хмыкнул, отодвинул планшетку.

Я уселся за стол, пододвинул тарелку и начал мрачно жевать, – что-то липкое, невероятно полезное. Его что-то не устраивает? Я ждал предложений. И, признаться, слегка волновался.

Мистер Сойер подоспел как раз вовремя. Поздоровался с нами обоими и уселся рядом со мной. Старик, не потрудившись ответить, нахмурил брови и указал на меня костлявой рукой:

– Что это такое?

Мистер Сойер поглядел в указанном направлении. То есть на меня. Я тихо прыснул. Два маразматика начали выяснять отношения.

– Что – это? – не понял хозяин.

– Его одежда, – раздраженно сказал Старик. – Зачем ему инструменты?

– Затем, чтобы заниматься ремонтом. – Мистер Сойер моментально вскипел желчью. – Если вы этого еще не поняли, молодой человек здесь работает.

Старик перевел взгляд на меня. Мне ничего не оставалось, кроме как кивнуть и выдавить глупую улыбку.

– Мне нужно где-то жить, чтобы полиция не депортировала меня обратно на Геру. А денег у меня нет.

Старик кивнул и задумался. Мистер Сойер напряженно ждал. Как и я: все упиралось в тупик. Выход из него, конечно, был платным. Но что, если у Старика самого нет денег? Иначе с чего бы ему самому селиться в такой крысиной норе?

– Значит, так, – сказал наконец киллер-легенда. – С этой самой минуты Гэсу не придется работать. Я оплачу его проживание в отеле. За эти деньги, возможно, вам удастся нанять другого работника.

Я не поверил своим ушам, хотя и ждал чего-то подобного. Для меня никто и никогда не делал ничего подобного (если не считать того, что по воле родителей я вообще появился на свет). Выход из ситуации был всего один, как и из любого тупика. У Старика просто не было иного выбора: если голос в башке сказал, что здесь он найдет ученика, – причем сказал чистую правду, – значит, его следовало учить. А как это делать, если ученик весь день будет занят отработкой своего

проживания?

Мистер Сойер, казалось, испытал схожую с моей реакцией.

– Простите, – осторожно начал он, – а с какой стати вы станете платить за его проживание? Поймите меня правильно, у меня приличное заведение...

Старик фыркнул без тени смущения, бросив на Сойлера презрительный взгляд. Я покраснел.

– Хорошо, я объясню. Только для того, чтобы в обозримом будущем не тратить времени на ваши расспросы. – Мистер Сойер скривился, а Старик продолжал: – Со вчерашнего дня этот парень – мой ученик. Ремонт вашей развалюхи, как можно догадаться, отнимает слишком много времени и сил. Ввиду этого ваш с ним договор расторгается как абсолютно неприемлемый. Если такие условия вам не подходят, мы без труда подыщем другую дыру. Ваш ответ?..

Я восхищенно слушал. Старик говорил, как какой-нибудь дорогой адвокат.

Мистер Сойер сглотнул. Бросил взгляд на кухонную дверь, за которой миссис Сойер самозабвенно гремела посудой.

– Да, конечно, еще один постоялец – это всегда хорошо. Милости просим...

Освободив стул, мистер Сойер поспешил на кухню. Звон посуды моментально прекратился. Как всегда, миссис Сойер все узнавала последней.

Довольный, я быстро доел кашу. Старик внимательно за

мною наблюдал, оценивая и запоминая каждое движение. Блин, я начал привыкать...

– Чем мы сегодня займемся, сэр? – спросил я, отставив тарелку.

– Сначала ты пойдешь наверх, чтобы переодеться во что-то полегче. Потом мы начнем наши занятия. Время пошло.

Я вскочил со стула и помчался переодеваться. Так, спортивные штаны, майка... Наверное, он имел в виду это? Или мы пойдем на улицу? Тренироваться в отеле, пусть даже абсолютно безлюдном, было просто опасно – ветхое здание могло рухнуть, словно карточный домик. Ладно, полегче так полегче. Я спустился вниз.

Старик о чем-то беседовал с мистером Сойером. Повернувшись ко мне, киллер ухмыльнулся.

– Мистер Сойер любезно предоставил нам подвалы отеля. Мы можем делать там все, что заблагорассудится.

– Исключая, конечно, испытания стратегического вооружения, – проворчал мистер Сойер. – А так... Ради Бога.

Я не поверил собственным ушам. Впервые старик попытался шутить. Мне стало интересно: догадывается ли он, что за ученичество такое?

– Пошли, – сказал Старик, направляясь в коридор. – Время не терпит.

Не терпит? Я-то думал, что киллеров, – настоящих профессионалов, – готовят годами. Поэтому рискнул спросить:

– Сэр, не терпит?..

– Совершенно верно. У меня нет уже ни сил, ни желания возиться с тобой пяток-десяток лет. Зато полным-полно врагов, которым, возможно, уже известно о моем появлении.

Я украдкой огляделся. Старик, от которого это не укрылось (и укрыться не могло), рассмеялся.

– Думаю, мы все же уложимся в срок. Голос в моей голове твердит, чтобы я торопился.

– Как вам угодно, сэр, – пробормотал я, хотя на самом деле знал, что спешка уместна лишь при ловле блох.

Не пойдет ли излишняя поспешность на вред учебе?

С другой стороны, я и сам сомневался, что выдержал бы «пяток-десяток» лет в ученичестве у такого зануды. Причем с голосами в голове.

Каким же образом он собирается уложиться в срок? И – каков он, этот срок?.. Ни хрена не понятно.

Вместо этого я спросил:

– Нам предстоит нечто важное, сэр?

– Важное? – Старик встрепенулся. – Несомненно. Настолько важное, что Звездный Орфей сложит о нас настоящую поэму. Вот только я пока не решил, что это будет.

Подавленный, я кивнул.

Наконец мы спустились в подвалы. Они занимали огромную площадь, простираясь, похоже, далеко за периметр отеля. То ли склады, то ли бомбоубежище, то ли искусственные пустоты, оставленные «на всякий случай». Комнаты с высокими потолками, бетонными полами и на удивление сухи-

ми стенами – видимо, сырость и энтропия решили оставить подвал на закуску. Некоторые комнаты занимало отопительное оборудование (на Зевсе все-таки бывают зимы), мешки с цементом, обломки мебели и прочий хлам. Большинство помещений пустовало. Мы обнаружили это, стоило только врубить освещение. Как уже говорилось, сырость проводку не тронуло.

Подвалы мне сразу понравились. Здесь не было ни дня, ни ночи. Идеальный полигон. К аналогичному мнению, видимо, пришел и Старик. Закончив обход помещений (их оказалось свыше двух десятков), он повернулся ко мне:

– Ну, давай посмотрим, на что ты годишься. Атакуй.

Я замер в недоумении. Сознание того, что он вовсе не безобидный старик, с успехом перекрывалось страхом перед грозной профессией. Вот так я и действовал: одна часть мозга боялась покалечить Старика, другая – себя. То есть меня.

Действовал, как и следовало ожидать, ошибочно. Однако долго упрашивать меня не пришлось – я всегда был без башни, ха-ха.

Подскочив к Старику, я попытался пнуть его в коленную чашечку. Не тут-то было: нога Старика легко поднялась, избегая опасной траектории. Я ударил кулаком в солнечное сплетение, но Старик легко отклонился. Я ударил снова, целя в голову. Старик небрежно отбросил мою конечность раскрытой ладонью. Разозлившись, я стал драться по-настоящему. В ход шло все: ноги, локти, колени. Но Старик даже не

двигался с места, отражая все мои атаки. Он не пытался на них отвечать, целиком удовлетворившись ролью тренажера, хотя я абсолютно не следил за защитой. Бесцветные глаза оценивали, запоминали. Тогда я этого не видел, не понимал, в запале боя грудью бросаясь на неприступную твердыню. В бесцветных глазах отражалось каждое мое движение. Лицо Старика хранило холодное, отсутствующее выражение, будто бы наблюдал он все это со стороны, и не его пытались убить.

Наконец, наткнувшись на особо жесткий блок старика, я откатился в сторону. Рухнул на бетонный пол и попытался отдышаться. Я не получил ни одного удара, но предплечья и голени жутко болели, набитые о деревянные конечности киллера.

Ладно, это было еще не самое страшное. Не суметь одолеть столетнего старца – это действительно пугало. Так ли я хорош, как думал о себе сам? Годился ли для грязной киллерской работы?

Старик подошел и наклонился.

– Да, не так уж и плохо. – Мне показалось, что в голосе его сквозило удовлетворение. – Для уличной драки, конечно. С профессионалами тебе не тягаться.

– Конечно, – я фыркнул. – На улице я и дрался всю жизнь. Никто не учил меня тягаться с профессионалами!

Раздосадованный, я хватил лишку. Но Старик не подал виду.

– Это целиком поправимо, – заявил он. – Ты будешь уметь все, что нужно. Твое тело само станет оружием. Голые руки.

Старик встал и прошелся по комнате.

– Да, но когда? – Я едва не взвыл от обиды и боли.

– Скоро. Очень скоро...

Я был сильно расстроен. Вот, значит, каково в его представлении ученичество? Показать в самом начале, что на деле и гроша не стою, растереть самоуважение в порошок, и только после заняться учебой?!

Может, оно и правильно. Но мы пошли другим путем.

Старик отвернулся, сосредоточенно разглядывая серую бетонную стену. Я молча ждал. Вдох-выдох. Конечности нещадно болели.

Я ожидал чего угодно, но только не такого вопроса:

– Почему ты решил убивать?

Мне не было необходимости долго думать над ответом. Если я не сумел найти его прежде, тем более это не удалось бы сейчас – побитому, жалкому, распластанному на холодном бетонном полу.

– Не знаю. Возможно, это просто детская глупость. Романтика, сами понимаете, – я усмехнулся. – Приходить в ночи, чтобы вершить свое черное дело... С другой стороны, почему бы и нет? Я знаю, у меня получится.

Старик стремительно обернулся.

– Ты когда-нибудь убивал человека?

– Нет. – Я медленно покачал головой. – Но собираюсь по-

пробовать.

Старик отвернулся.

– Делай, – медленно проговорил он, – или не делай. Пытаться не надо.

Я кивнул. Возможно, Старик это видел. А нет – я просто смолчал.

– Не знаешь, – пробормотал Старик. – Значит, это Судьба. Когда ничего не можешь поделаться, остается только плыть по течению. Рано или поздно, приток вынесет тебя в нужное русло.

Как и случилось, – подумал я. – Как и случилось...

– В идеале, – сказал Старик, – следовало бы учить тебя с самого начала, шаг за шагом, от простого – к сложному. Но на это, как говорилось, ушли бы долгие годы. На это у нас нет времени.

Я затаил дыхание. Конечно, я был молод и нетерпелив. Осознание ничтожности собственного существования куда-то вмиг подевалось.

– Рефлексы, мышечная память – есть не более чем нейронные связи в соответствующих участках головного мозга. Воздействуя на эти участки определенным образом, ученые научились копировать в человеческий мозг гигабайты данных. Догадываешься, куда я веду?

Я кивнул. Старик обернулся, и я повторил движение.

Он собирался загрузить в мои мозги парочку гигабайт данных о рукопашном бое. Очень интересно, но совсем не

привлекательно. Я, как любой нормальный человек, опасался вмешательства в свои мыслительные процессы.

Конечно, я слышал о чем-то подобном, – головидение, газеты регулярно сообщали человечеству о новых достижениях блестящих умов, – но никогда и представить не мог, что мне предстоит столкнуться с этим нос к носу.

Одна такая операция стоила баснословные деньги. Возможно, это и было наилучшим для них применением: выучить десяток инопланетных языков за пару минут, или научиться профессионально водить звездолет любого типа – согласитесь, это берedit воображение.

Вот и я размечтался. Один день – и готов киллер!

Но тут же пришла мысль о последствиях. Тут и там можно услышать, как кто-то слетел с катушек, подвергнув свои жалкие мозги психо-операции. Раньше я думал, что «программисты мозгов» здесь ни при чем – клиенты справлялись сами, беспрестанно прислушиваясь к процессам в башке. Если Император допустил применение таких технологий, значит, они действительно безопасны.

Но сейчас моя уверенность в этом сильно пошатнулась.

Погодите, а с чего это я, собственно говоря, размечтался? У Старика имелись баснословные бабки?.. С чего тогда спрашивается, селиться в этом клоповнике? (На самом деле там не было ни одного клопа, просто слово хорошее).

Я решил прощупать почву. Но сперва следовало ответить на вопрос.

– Да, я догадался. Вы хотите научить меня рукопашному бою за несколько минут, взамен десятка лет.

– Неплохой обмен, – ухмыльнулся Старик. – Я и впрямь собираюсь так с тобой поступить, причем информация не уступит качеством тому, чему могу научить тебя я.

– А сами вы подвергались таким операциям? – выдержав паузу, осторожно спросил я.

– Нет, – Старик рассмеялся. – Мне уже поздно. У меня ведь тоже был учитель, и ему приходилось кулаками забивать в меня науку. Свихнуться с ума у меня также получилось без всякой посторонней помощи. Так как?

Я пожал плечами.

– В принципе, я не против. Но, сэр, как насчет денег?

– Это не проблема. – Оглядевшись, Старик понимающе кивнул. – А отель я выбрал потому, что здесь меня искать точно не станут. Еще вопросы?

Я восхищенно покачал головой. Он что, еще и мысли читать умеет?

– Ты еще слишком зеленый, сынок, – улыбнулся Старик. – У тебя все на табло так и светится. Поднимайся. Пойдем искать тебе новый мозжечок...

Насвистывая себе что-то под нос, Старик пошел к лестнице.

Кряхтя, я поднялся на ноги. Почесал затылок и тихо спросил: что, черт возьми, я собираюсь делать?

Найду ли второго такого платежеспособного учителя?..

Каким бы ни был ответ – зачем отказываться? Тратить долгие годы на подготовку – возможно, это действительно не для меня. К тому же необходимо отыскать действительно классного специалиста. Где гарантия, что я не потрачу эти долгие годы зря?..

Нет, все правильно. Нужно рискнуть.

Отряхнув штаны, я направился следом за Стариком. В холле он отправил меня наверх, переодеваться. Сам Старик даже во время «тренировки» не снял своего серого плаща. Интересно, что там, под ним?.. Мне представился богатейший арсенал лучевого оружия, запасных батарей и гранат. Киллер должен быть готов к любым неожиданностям. Я даже бластера и то в руках никогда не держал... Стрелять меня тоже компьютер научит?..

Мы покинули Черный район. Старик уверенно взял курс по проспекту. Пару раз мы свернули, подошли к остановке надземки и погрузились в вагон. Я старался все замечать, подмечать и запоминать. До сих пор помню: три остановки.

Мы спустились на улицу. Неприметное серое здание из четырех этажей, без каких либо вывесок и обозначений. Отсутствовал даже номер. Тонированные окна отражали блеклый дневной свет. Внушительная бронированная дверь с видеокамерой под козырьком. Что, здесь меня научат убивать?

Я промолчал, поскольку Старик сразу же направился к двери и, задрвав голову, уставился в черный объектив. Помедлив, та чуть сдвинулась в мою сторону. Я машинально

вытащил руки из карманов.

– В этом нет нужды, – сказал Старик, не поворачивая головы. – Нас проверяют датчики. Во всяком случае, так было во время моего последнего визита.

Я кивнул, поскольку хотел учиться. Ученье, как говорится, свет, а не ученье – чуть свет, и на работу. Хватит уже, напахался. В обоих смыслах.

Дверь, тихо щелкнув замком, отворилась. Значило ли это, что у Старика нет с собой и намека на арсенал? Мы вошли. Просторный холл – парочка кресел, пальма в кадучке, – пуст. Дверь щелкнула за моей спиной. Многочисленные заставы встали в пазы.

– Проходите, – сказал голос, – я наверху. Второй этаж, первая дверь направо.

Повертев головой, я увидел источник звука – небольшой динамик, подвешенный под потолком.

Мы приняли приглашение. Хозяин отличался эксцентричностью и параноидальной осторожностью. Возможно, у него даже имелись причины для этого.

Второй этаж, первая дверь. Она оказалась открыта, мы вошли. Стучать о косяк не имело смысла – хозяин заметил нас первым (не знаю как насчет Старика, меня – точно), и, встав из-за компьютерного терминала, шагнул навстречу.

Высокий мужчина лет тридцати, с коротким ежиком черных волос. Как вы заметили, я люблю сравнивать людей с предметами неодушевленными. Так вот, этот показался мне

дико похожим на скальпель. Высокий, худощавый, с узким острым лицом и пронзительным взглядом. Медицинскую тему навевал и белый медицинский халат, наброшенный на худые плечи поверх синего комбинезона.

Настоящий скальпель, черт возьми. Пронзив меня взглядом, он перевел его острие на Старика. Причем задержал его там гораздо дольше. Я заметил, что рука Доктора была опущена в карман халата. Причем, судя по форме, занимала куда больше места, чем ей положено: большой палец сильно напоминал ствол игольного пистолета.

Паранойя и эксцентричность.

Наконец, проверив нас какими-то индивидуальными датчиками, Доктор кивнул. Тонкие губы легко изогнулись.

– Мистер Фармер? – полуутвердительно спросил он, глядя на Старика. – Рад вас видеть. Столько лет прошло, а вы почти не изменились.

Сначала я не врубился, а потом вспомнил, как Старик говорил о множественности своих имен.

– Здравствуй, Уильям. Помню, как же. Сейчас тебе где-то под тридцать, верно?

Обмен формальностями происходил с соблюдением разумной дистанции. Уильям вытащил руку из кармана, но даже не пытался приблизиться к собеседнику. Я смотрел во все глаза. Один не верил другому ни на грош.

– Двадцать восемь. – Уильям улыбнулся. – Как поживаете?

– Нормально. Как отец?

– Он умер. – Доктор выглядел абсолютно спокойным. – Два года назад.

– Сожалею. – Прежде чем продолжить, Старик выдержал паузу, отдавая дань уважения. – Как видишь, я привел к тебе молодого человека.

Повернувшись ко мне, Уильям вернул взгляду убийственную остроту. Я терпеливо сносил процедуру разглядывания, ставшую почти привычной. Не выказав ни одобрения, ни разочарования, Уильям вновь повернулся к Старику.

– Мистер Фармер, как я понимаю, это ваш ученик?

– Ты всегда был смышленным малым, Уильям. Да, это мой ученик, Гэс. С твоей помощью, надеюсь, наш общий срок сократится до необходимого минимума.

Уильям кивнул, соображая. Я кивнул в ответ, поскольку Доктор не возгорелся желанием пожать мне руку.

– Психо-операции? Насколько я помню, вы всегда относились к ним весьма настороженно.

– Прошло много лет.

Уильям понял, что иного объяснения не будет:

– Что ж, рад услужить. Чего желаете? Космический пилотаж, университетское образование, библиотека Сената?.. – Доктор хитро прищурился. – Нет, вряд ли.

Я почувствовал радость и возбуждение. Цель моя рядом, я почти мог коснуться ее рукой. Вон она, – странного вида топчан, у изголовья которого лежал опутанный проводами

шлем. Рядом с топчаном находилось рабочее место Доктора-Скальпеля, – огромный терминал, хранящий терабайты человеческой памяти.

– Человек должен знать лишь то, что сам в силах познать. Твои машины должны научить его драться.

– Что ж, приступим. Время – деньги. – Уильям прошел к терминалу. – Которое из боевых искусств вас интересует? Карате, дзюдо, самбо, бокс?..

– Рукопашный бой тайной полиции, – перебил его Старик. – Там есть все это, но нет пустой шелухи.

Уильям прищурился, осторожно усаживаясь в кресло.

– Вы знаете, что это незаконно. Я продаю вам оружие, а не безобидную эрудицию. За одно лишь хранение подобных файлов меня навсегда упрячут в подвалы Квадрата.

– Я знаю, что это незаконно. Не спорю, закон действительно строг. И все же ты не был бы сыном Брюса Томпсона, если бы боялся таких пустяков. Информация должна принадлежать народу, верно?

Уильям улыбнулся.

– Верно. Закон строг, но это закон. Легавым никогда не добраться до моих файлов. Стоит лишь сработать сигнализации, и машина мгновенно отформатирует диск.

Лицо молодого человека вновь стало серьезным.

– Это будет стоить недешево. Даже для вас, мистер Фармер.

– Я понимаю. – Старик полез во внутренний карман пла-

ща и достал пухлую пачку бумажных денег. – Надеюсь, оно того стоит.

У меня глаза на лоб полезли. Такую кучу бабок я видел только по ящику. Там было тысяч пять, не меньше. Откуда?..

Уильям осторожно принял деньги, согнул пачку и большим пальцем проверил сердцевину. Зеленую, как поле капусты. У меня аж слюнки потекли.

– Этого хватит, – кивнул он, положив деньги в свободный карман. – Ложитесь, молодой человек.

Скрипнув зубами, я подошел к топчану и, сбросив ботинки, улегся. Сумасшедший Старик даже не спросил, какую сумму требует Доктор. Первый раз в жизни я видел такую кучу денег, и первый же раз она уплывает у меня из-под носа. Понадеявшись, что это не превратится в традицию, я постарался расслабиться. Кресло было довольно мягким, и, кажется, автоматически приняло форму спины. Очень удобно.

Я мог наблюдать за манипуляциями Доктора, не поднимая головы. По монитору бежали ровные строчки, Уильям стучал по клавишам, меняя папки и файлы, вводя бесчисленные пароли. Да, легавым пришлось бы попотеть...

Наконец Уильям откинулся на спинку кресла. Все те же зеленые строчки, но в правой части экрана появилась вертикальная красная полоса, – будто колба с кровью.

Уильям поднялся с кресла и подошел к топчану. Взял шлем с проводами и начал делать с ним что-то, чего я не понимал. От шлема к терминалу тянулись разноцветные про-

вода.

– Не стану обманывать вас, молодой человек. Электронная хирургия – это довольно неприятно. В течении нескольких минут ваш разум впитает в себя, словно губка, гигабайты информации. Несмотря на гигантский потенциал, человеческий мозг не способен обработать такой мощный поток. Убедившись в тщетности любых попыток, он попытается отвергнуть базы данных, как желудок отвергает излишки спиртного. Нейронные цепи будут замыкаться и распадаться, пласты памяти поменяются местами, станут наползать друг на друга, словно тектонические плиты молодой планеты. Это будет неприятно, но быстро закончится. Знаю, о чем вы думаете. Наркоз или иное усыпление применять нельзя, поскольку сон разума, как известно, рождает чудовищ. Вы должны бодрствовать, пусть даже это будет похоже на кошмарный сон. Зато когда вы придете в себя, то станете уже другим человеком. Оно того стоит, поверьте мне.

– Он будет терпеть, – раздался голос Старика, усевшегося в дальнее кресло. – Не нужно никого успокаивать.

– *Мне* нужно, – улыбнулся Уильям. – Если честно, никто до вас еще не покупал этот товар. Не хватало денег и смелости, наверное.

Я вздрогнул и сжал кулаки. Я *уже* совершаю преступление, *уже* преступник. Это здорово.

Доктор бесцеремонно сунул мне в рот резиновую капу, нахлобучил на голову шлем и застегнул ремешок. Не успел я

опомниться, как откуда-то взялись ремни, которыми Уильям опутал мои руки и ноги. Я знал, что будет плохо, но не знал, что так скоро...

Забрало шлема перекрыло доступ света к глазам. Темнота.

– Расслабьтесь, – сказал Уильям, – я начинаю...

Я постарался расслабиться, но ничего не вышло. Мышцы напряглись, челюсти инстинктивно сжались. Начало мне определенно не нравилось.

Тихий шелест вентилятора, звучавший целую вечность. Наконец заработал процессор. Откуда-то появился свет: он плыл на меня из темноты, а может, это я всплывал из морских глубин. Возможно, виной тому были жидкие кристаллы забрала, но я склоняюсь к мысли, что все происходило у меня в мозгу. Времени особо размышлять-то и не было, как и желания. Разум начал захлебываться в безбрежном потоке, который извергли машины Доктора-Скальпеля.

Свет, к которому я совсем не спешил, ринулся навстречу. Все исчезло. Тьма набросила на голову мягкое, плотное одеяло. Исчезли все звуки, цвета и запахи, я начал задыхаться. Вот тут-то все началось по-настоящему...

Мое тело начало вспоминать то, о чем никогда не знало, не ведало. Удары, блоки, захваты, приемы и контрприемы, – все то, чего никогда не умело. Перед глазами мелькали смутные образы, воспоминания тренировок, поединков, в которых я никогда не участвовал. Я не помнил своего сэнсея, не

знал ни одного противника. Зато тело мое теперь умело все – ломать, рвать, выбивать... Убивать.

Поймите меня правильно, тогда-то я этого не знал! Как, прочем, и всего остального. Настоящий кошмар, наихудший в моей жизни. Горячечный бред, пережить который невозможно. Мозг захлебнулся в первые же секунды информационной атаки. Кислота, потоком хлынувшая внутрь моей черепушки, растекалась по извилинам, стремясь проникнуть меж раскрытых полушарий... Затвердевшая кора лопнула, и внутрь потек свинец.

Образы безликих противников сменились алой лавой, вскипавшей в глазницах. В ней плескались черные демоны. Тело я уже не чувствовал, весь мир сконцентрировался внутри крошечного наперстка, к которому стремились кислота и свинец. Я старался, как мог. Бесполезно.

Хрупкие стенки треснули и поддались. Обжигающий свинец хлынул внутрь скорлупы, в которой таился я – беспомощный, мокрый птенец... А вот дальше ничего не помню. Но вряд ли отключился, поскольку пациент должен находиться в сознании. (Как я узнал позднее, Доктор-Скальпель неоднократно бил меня электродами). Просто не помню. Не мог запомнить. Не осталось ни сил, ни возможностей, ни даже свободных ресурсов. В моих мозгах поселилась чудовищная тварь гигантских размеров, чье змеиное тело, разделенное на гигабайты сегментов, тянулось на многие мили. Поздрав птенца, прятавшегося внутри скорлупы, она довольно

рыгнула и разинула пасть. Между длинных зубов наружу, к свету и тьме, карабкался незнакомец.

Он.

Я.

Проснулся. Видно, Доктор соизволил отключить адский компьютер и дал мне спокойно поспать. Очень мило с его стороны.

Шлем исчез. Открыв глаза, я бессмысленно глазел в потолок. Туманная дымка неохотно рассеялась. Сознание возвращалось местами. Приподнявшись на локте, я подтащил голову к краю кушетки. Меня вырвало. Снова, – если судить по засохшим пятнам на рубашке. Прокушенная губа нещадно болела. Кровь хрустела на губах и подбородке. Кошмар, блин. Никогда мне не было так паршиво, даже с самого жуткого бодуна.

Подняв голову, я даже смог поворчать ею из стороны в сторону – оглядеться, то бишь. Вместе с сознанием ко мне возвращались и силы. Лениво, неохотно, словно фригидная шлюха.

Доктор-Скальпель восседал за терминалом – изучал меня, словно ящерица, разогревшаяся на теплом камне, из-под приспущенных век. Меж коротких ресниц сквозило любопытство. Тонкие пальцы домиком сложены под подбородком.

– С-сука, – прохрипел я, выплюнув слово вместе к кровавой слюной. – Тварь...

Свесив ноги, я поставил их на пол. Старик сидел в своем кресле, внимательно наблюдая за мной. Казалось, он даже не изменил ленивой позы – я ненавидел и его. Но горло саднило, молило о пощаде.

Ставив задницу к краю, я, опершись о кушетку, перенес вес тела на ноги. Сейчас мне требовалась вся правда, которая только могла в них таиться. Я сделал первый шаг. Свой второй первый шаг в жизни. Его я, в отличие от первого, помню прекрасно. Пошатнулся, но устоял. Тело вспоминало. Гигабайты информации давили на затылок изнутри.

Я учился ходить. То, что было прежде, исчезло, стертое начисто, – файл на отформатированном диске. Поверх него записали то, что умел делать кто-то другой. Он и ходил совсем не так, как я. Возможно, даже лучше.

Правой, левой... Отпустить кушетку, шагнуть вперед... К наглому типу, ухмыляющемуся из-за терминала. Вперед, только вперед...

Кулаки мои сжались, зубы скрипели. Ухмылка медленно испарялась. Доктор-Скальпель начал нервничать, но деваться было некуда – терминал стоял в самом углу, мимо меня не пройти. А я знал, что делать. Тело не нуждалось в командах. Оно само знало и умело все, что нужно делать. Уильям был на волоске от гибели. Я готовился разорвать его голыми руками, и, пусть я еще не совсем оправился, а на подбородке у меня висели лохмотья блевотины, я мог это сделать. Тысяча чертей, я *хотел* его смерти!.. Первый раз в жизни я по-

настоящему хотел кого-то убить.

Старик вырос будто из-под земли. Не сознавая, что делаю, я нанес удар. Сухая деревянная рука протянулась из воздуха, обхватив мое запястье. Ха!.. Я изогнул ее особым способом, слегка повернулся и освободился, не прилагая особых усилий. Я был свободен, но Старик продолжал стоять у меня на дороге. Его я убивать не хотел. Он обрек меня на кошмарную вечность, – я сам просил его об этом. Обо всех тонкостях был осведомлен Доктор-Скальпель. Да-да, он предупреждал меня, но, что так же верно, он получал за это деньги.

Конечно, я был не прав. Мне нужно было на ком-то сорваться, только и всего. Нормальная причина, не лучше и не хуже всех остальных, по которым убивают людей. Я шагнул вперед, намереваясь пройти через Старика. Не тут-то было.

Он нанес удар, я с трудом увернулся. Мы схлестнулись. Я по-настоящему разозлился. Кулаки, локти, колени – Старик не двигался с места. Теперь он сам наносил удары, от которых мне приходилось уклоняться или блокировать. Мне приходилось несладко, однако в мозгу не возникло ни одной пораженческой мысли. Я дрался с учителем – насмерть.

Недолго, правда. Пропустив очередной удар, я отлетел в сторону кушетки, схватился за живот и застонал. Перед глазами все плыло.

Черт!.. Меня побили! А как же вечность кошмаров и боли?! Все даром?..

Старик подошел ко мне, сел рядом и заботливо оглядел.

– Я просто старик, – тихо сказал он, – за мной десятки лет опыта. А ты устал, едва-едва научившись ходить. Для первого раза нормально. Товар высшего качества, это видно сразу.

Я кивнул, подавленный и разочарованный. Живот отходил.

Уильям выглядывал из-за плеча Старика. Он мог бы защитить себя сам, если бы не боялся своих же машин. За это я его ненавидел еще больше.

– Мистер Фармер, – осторожно начал он, – а мы не поспешили? По-моему, это все равно что дать ребенку гранатомет, объяснив, как им пользоваться.

– Наш мир стал бы намного лучше, – проворчал Старик, – если бы каждый ребенок получил свой гранатомет.

Уильям пожал плечами.

– Дело ваше. Однако мой долг предупредить молодого человека. Будь осторожен, Гэс. Мы дали тебе в руки оружие... Да что там, теперь ты сам – оружие! Тело умеет убивать, в то время как разум еще не обучен контролю. Это...

– Твой долг, – фыркнул Старик. – Ты продаешь преступникам запрещенное искусство, и еще смеешь рассуждать о каком-то долге?! Твой отец не был таким лицемером.

Уильям молчал. Он знал, что ответить, но счел за лучшее придержать язык.

– Теперь мы пойдем, – сказал Старик. – Нас здесь не было, и ты нам ничего не продавал. Ты меня знаешь.

Уильям напряженно сглотнул.

Я самостоятельно поднялся на ноги и заковылял к выходу. Старик следовал за мной. Не замедляя шага, бросил через плечо:

– Спасибо за помощь, Уильям. Страна тебя не забудет.

Как и нас, – мысленно добавил я. – Как и нас...

В полном молчании мы вернулись в отель. Я застегнул куртку, чтобы скрыть пятна блевотины и крови, но мой растрепанный вид – с опухшим лицом, красными глазами, прокушенной губой и кровавой коростой на подбородке, – вызывал у аборигенов вполне объяснимые чувства. Их чувство прекрасного было нещадно уязвлено. Хорошо еще, что патруль не встретился... Видеокамеры величаво провожали нас холодными взорами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.